

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

1.1. Цели и задачи парадигматического анализа лексики поэтического произведения

В основу описания лексики Есенина и его окружения положен анализ лексических парадигм. Лексика идиостиля традиционно изучалась в парадигматическом аспекте (например, анализировались функции диалектных слов, наименований природных реалий, колоративов т.п.). При этом, как правило, рассматривались отдельные парадигматические объединения слов, образующих систему в лексике языка, т.е. выделенные на внетекстовом уровне (различные лексико-семантические группы, семантические поля и т. п.).

В данной работе парадигмы выделяются в основном на текстовом уровне, т.е. предметом описания становятся слова и более крупные текстовые отрезки, образующие системный ряд как определения одного или близких понятий или формирующие взаимосвязанные перцептивные образы в тексте или группе текстов. Система текстовых парадигм, т.е. гиперпарадигма, рассматривается как содержательная сторона текста, а процесс описания гиперпарадигмы как интерпретация текста.

В некоторых случаях в текстах присутствуют две противопоставленные, исключаящие друг друга доминантные парадигмы, параллельное развитие которых не приводит к разрешению противоречия, рассматриваемого автором в произведении. Такие противоречия были условно названы поэтическими антиномиями, и их анализ проводится по той же методике, что и анализ отдельных парадигм.

Необходимо иметь в виду, что гиперпарадигма текста формируется не только за счет лексики. В этом процессе участвуют единицы всех ярусов языковой системы, включая пунктуацию (см., напр., [Степанченко 2008]). Предметом изучения в данной работе является лексика поэтического произведения как основа гиперпарадигмы. Связь лексики с единицами других уровней в составе гиперпарадигмы отнесем к перспективам исследования.

смысле этого слова, поскольку он лишен содержания. По словам Л.С. Выготского, такой текст «есть только возможность, которую осуществляет читатель» [Выготский 1968: 343].

С функциональной точки зрения содержание текста в целом определяется как «сходство текста с действительностью на определенном уровне или уровнях восприятия» [Правдин 1976: 100]. Содержание текста представляет собой не что иное, как активную мыслительную деятельность (в широком смысле, включая эмоции) субъекта в процессе восприятия материальной формы текста. Очевидно, можно было бы сказать, что собственно формой материя текста становится также в акте восприятия, поскольку форма и содержание – категории диалектически взаимосвязанные. Вне связи с содержанием форма может существовать лишь как некоторое материальное образование, которое, строго говоря, нельзя назвать формой.

Таким образом, в качестве формы вербального текста, в том числе, художественного, рассматриваются воспринимаемые органами чувств звуковые или графические последовательности (собственно знаки, по В. М. Солнцеву, – см. [Солнцев 1977]). Содержание же текста – это те мыслительные процессы, которые протекают в мозгу читающего и слушающего при восприятии материи текста (формы) и в мозгу автора при создании текста. Содержание текста представляет собой активную мыслительную деятельность реципиента, по природе своей процессуально и в строгом смысле не заложено (не закодировано) в материальной буквенно-звуковой форме, оно возбуждается формой в мышлении реципиента в виде комбинаций элементов опыта воспринимающего и связей между ними. Сформулированный в свое время в трудах В. Гумбольдта (см. [Гумбольдт 1859]) и А.А. Потебни (см. [Потебня 1976]), этот тезис нашел подтверждение в работах ряда ученых ([Выготский 1956]; [Левидов 1977]; [Правдин 1991]; [Рубакин 1977]; [Сорокин 1985]; [Степанченко 1991; 2014] и др.).

Чтобы текст или его единицы были поняты, чтобы содержание стало достоянием воспринимающего, «читатель или слушатель должны сами создавать его из элементов собственных мнем... но такое создание не есть передача, а возбуждение. Всякий читатель или слушатель видит перед собой только собственную проекцию чужой речи» [Рубакин 1977: 61]. Как отмечает Ю.А. Сорокин,

Исследовательская задача, сформулированная подобным образом, подразумевает необходимость обращения к таким проблемам, как объективность/субъективность выделения парадигмы в процессе анализа текста, соответствие выделенных парадигм и их систем авторскому замыслу, роль языка в формировании парадигмы и др.

Рассмотрению общетеоретических проблем, связанных с парадигматическим анализом, а также описанию основных параметров парадигматического исследования лексики посвящена первая глава монографии.

1.2. О функциональной лингвистической парадигме

Авторы монографии придерживаются функционального направления в лингвистике. Основы функционального подхода подробно описаны в [Правдин 1991], [Степанченко 1991], [Степанченко 2014]. Приведем лишь его основные постулаты.

С функциональной точки зрения текст и его единицы рассматриваются не автономно, а как единицы коммуникативного акта АВТОР – ТЕКСТ – ЧИТАТЕЛЬ. При этом сущность коммуникативного акта, с точки зрения функциональной теории, заключается не в передаче определенного мыслительного содержания (рассматриваемого в широком смысле как понятия, образы, эмоции), закодированного при помощи языка, а в генерировании содержания текста в сознании читателя в процессе восприятия материальной формы на основе читательского тезауруса, т.е. различных сторон его личностного опыта.

Авторы считают, что функциональная теория текста позволяет в большей степени, чем структуральная теория, построить модель языка, более близкую к моделируемому объекту. Содержание текста всегда представляет собой «наложение» модели мира автора на модель мира воспринимающего, поэтому на классический вопрос: «Что хотел сказать автор своим произведением?» – при помощи анализа текста трудно получить полный однозначный ответ, поскольку абсолютно адекватного замыслу автора понимания текста практически быть не может. «Всякое понимание, по А.А. Потебне, есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – всегда несогласие» [Потебня 1993: 94]. Полная адекватность понимания замыслу возможна лишь в случае полного

совпадения тезаурусов коммуникантов. Такое совпадение практически невозможно, из чего следует вывод о том, что отсутствие полного понимания (а в некоторых случаях и понимания вообще) является закономерным итогом коммуникативного акта. Несовпадение понимания текста с замыслом автора зависит не только от степени совпадения тезаурусов коммуникантов, но и от степени сложности организации формы текста (см. об этом ниже).

При функциональном подходе закономерности организации текста, актуализация системы языка исследуются не самостоятельно, а через соотносящиеся с ними виды коммуникативно-познавательной деятельности человека: «Без реципиента нет текста – имеется лишь «мертвая» цепочка графем, которая «оживает» и станет текстом только при условии, если в результате сложной и многоэтапной перцептивно-мнестической деятельности воспринимающего эту цепочку индивида ей будет поставлено в соответствие некоторое мыслительное содержание, основанное на многогранном – чувственном и рациональном, индивидуальном и социальном – предшествующем опыте субъекта совершаемой деятельности» [Залевская 1987: 24-25].

Рассматриваемый таким образом текст представляет собой по существу дискурс, если под дискурсом вслед за Н.Д. Арутюновой понимать «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1998: 136]. В данной работе, несмотря на это, в качестве обозначения объекта анализа используется термин «текст», во-первых, как более привычный, во-вторых, потому что текст вне акта его восприятия, вне включенности в акт коммуникации не представляет интереса для содержательного анализа. Противопоставление текста дискурсу с функциональной точки зрения – проблема, требующая специального рассмотрения, поскольку «Текст как нечто существующее объективно, независимо от воспринимающего субъекта, – отмечает М.Н. Правдин, – это не предмет содержательного анализа, т.к. материя текста сама по себе не имеет ничего общего с отражаемой действительностью, и эффект подобия текста и действительности возникает лишь при восприятии текста на определенном уровне, при активной мыслительной деятельности воспринимающего субъекта» [Правдин 1976: 101]. Текст как некоторое материальное образование (звуковой или графический ряд) вне акта восприятия не может быть назван текстом в строгом

существование таких проекций текста доказано экспериментально [Сорокин 1978: 84].

Понимаемое таким образом содержание не может быть рассмотрено вне связи с воспринимающим текст субъектом, т.к. мысль не может быть отделена от мыслящего мозга.

«Совмещение» отражения буквенно-звуковой формы текста и «картины мира» в мышлении воспринимающих, т.е. «рождение» содержания, осуществляется в парадигматике. Как отмечал Ю.Н. Караулов, «текст соотносится с действительностью в парадигматике» [Караулов 1981: 203]. В избранной функциональной модели анализ текста – это моделирование процесса восприятия текста реципиентом в форме воссоздания системы лексических парадигм.

Таким образом, с функциональной точки зрения связь между материальной формой текста (звуковыми или графическими последовательностями) и его содержанием (мыслительными процессами) признается локализованной в сознании автора и реципиента и характеризуется отсутствием жесткости и однозначности.

1.3. ВАРИАТИВНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Вариативность – реальное свойство содержания текста, проявляющееся при его функционировании, необходимо учитывать в ходе анализа лексических микросистем. Практически все исследователи согласны с тем, что смысл, выводимый читателем из текста, не может быть абсолютно равен смыслу, вложенному в текст автором. В рамках различных теорий причины и границы вариативности рассматриваются по-разному.

Вопрос о вариативности понимания текста, в частности – художественного, со времен В.Г. Белинского неоднократно поднимался как филологами, так и философами, логиками, психологами. В конце XIX - начале XX в. эта проблема активно разрабатывалась представителями психологического направления в филологии (А.А. Потебней, Д.Н. Овсяннико-Куликовским, А.Г. Горнфельдом и др.). В более поздний период проблема вариативности рассматривалась в теории плюралистичности текста у Р. Барта, теории диалогичности текста у М.М. Бахтина и т.д. В рамках стилистики декодирования вариативность восприятия

объясняется «помехами в канале связи» (см., напр., [Арнольд 1990]), которые возникают в связи с различием опыта воспринимающего и автора. «Помехи» могут только «накладываться» на инвариант содержания, закодированный в тексте, что и приводит к неполной адекватности его интерпретации.

Таким образом, в рамках различных подходов к тексту вариативность его содержания объясняется или свойствами самого текста (чаще всего его языковой организацией), или свойствами личности воспринимающего. Второй вариант объяснения вариативности является превалирующим. При этом вариативность рассматривается как следствие взаимодействия «личностных смыслов» с закодированным в тексте смысловым инвариантом.

При функциональном подходе к тексту вариативность его содержания может быть объяснена не только особенностями индивидуального опыта воспринимающих, но и сложностью правил перехода от действительности к тексту в процессе его создания и от текста к действительности при его рецепции. «В тексте отражается то представление о действительности, которое складывается у говорящего (пишущего (ГП)), он создает модель своего видения мира, которую слушающий (читающий) (СЧ) должен адекватно воспринять. ГП и СЧ, говоря словами Гумбольдта, «трогают один за другим одни и те же кольца умственных представлений и произведений мысли»... Текст должен строиться по такой модели, чтобы СЧ при его восприятии проходил те же этапы, которые прошел ГП при его производстве» [Копыленко 1977: 30-31].

«Люди понимают друг друга не потому что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [Гумбольдт 1984: 165-166].

С точки зрения функционального подхода, интерпретация текста – это «фактически порождение собственного текста с ориентацией (для себя), почему мысли автора должны идти именно в этом русле, а не в каком-либо ином» [Маслова 1984: 69]. По

словам А.А. Брудного, «понимание текста есть в той или иной мере понимание себя» [Брудный 1976: 153].

Вопрос о том, в какой мере вариативность содержания текста определяется самим текстом, спецификой организации его материальной формы и в какой мере зависит от особенностей личности воспринимающего, решается по-разному в рамках функционального подхода.

Крайнюю позицию в решении этой проблемы занимает Н.А. Рубакин: «читателям... кажется, что большая или меньшая одинаковость понимания одной и той же книги или речи зависит от книги как материального предмета, в котором это содержание как будто бы заключено. Но, разумеется, это неверно: оно зависит от одинаковости читательских или слушательских переживаний, идей, чувств, но эти переживания – вовсе не книга как материальный предмет, и ни один читатель не может знать ее независимо от своих переживаний, т.е. не как свою проекцию» ([Рубакин 1987: 148].

С одной стороны, Н.А. Рубакин, несомненно, прав, когда говорит о том, что содержание текста – это его читательская проекция, не заложенная непосредственно в материальной форме, но, с другой стороны, – организация материальной формы не может не играть важной роли в формировании проекции текста. Если бы содержание текста было «чистой проекцией», то, очевидно, любой текст воспринимался бы определенной группой реципиентов с одинаковой степенью вариативности. В то же время практика показывает, что степень вариативности содержания разных текстов различна при восприятии их одними и теми же реципиентами.

Точки зрения, близкой к рассмотренной выше, придерживаются и многие другие исследователи. Например, В. К. Нишанов пишет: «Образ мира (его фрагмент) случаен по отношению к действительности. Он зависит от индивидуальных особенностей органов чувств, психического склада, опыта, конкретного языка, принадлежности к определенной культуре, социуму и т.д.» [Нишанов 1984: 13]. Нет сомнения в том, что разные воспринимающие по-разному видят один и тот же предмет, но при этом каждый образ не может быть случайным по отношению к действительности, поскольку порожден ею. Это же касается и материи текста. Ее организация одинакова для всех воспринимающих, и, следовательно, образы, порожденные ею, не случайны, что не исключает их вариативности. Признание

случайности образа мира по отношению к действительности может привести к агностицизму.

Следует согласиться с А.А. Залевской, которая считает, что «признание обязательности перцептивно-мыслительно-мнемонической деятельности индивида как условия превращения цепочки графем в текст означает концентрацию внимания на реальных... процессах, протекающих в ходе взаимодействия «реципиент-текст», и на особенностях направления и результатов этих процессов в зависимости от специфических характеристик исследуемой диады» [Залевская 1987: 25].

Итак, вариативность содержания текста с функциональной точки зрения может быть объяснена двумя факторами, каждый из которых должен быть учтен при исследовании конкретного материала.

1. Особенности воспринимающих, характер их опыта, жизненных впечатлений, потребностей определяющих систему актуальных ассоциаций в процессе восприятия формы текста. С этой точки зрения могут быть выделены различные аспекты вариативности: на индивидуальном уровне, на уровне возрастных групп, социальных групп, групп с различным образовательным цензом, половых групп, лингвокультурных групп, диахроническая вариативность и т.д.

2. Особенности организации материальной формы текста – структура текста, его собственно языковая организация: «Художественное восприятие – это сотворчество, отдельные моменты которого, как и моменты творчества, интуитивны. Но в отличие от творчества в нем заранее определены внешние детерминанты, в качестве которых выступают структурные элементы произведения» [Малинина 1986: 10].

Отмеченные два фактора позволяют разграничить две разновидности анализа художественного текста в акте коммуникации: «от реципиента» и «от текста». Анализ «от реципиента» может быть назван психолингвистическим. В ходе такого анализа при помощи экспериментальных методов определяются конкретные варианты интерпретации текста в тех или иных условиях коммуникации. Количество вариантов практически неисчислимо, и вряд ли можно стремиться к их исчерпывающему выявлению даже в синхронии. В диахронии чаще всего такое исследование затруднено или вообще невозможно:

всегда ли мы можем, например, узнать, как воспринималось то или иное стихотворение С. Есенина при его жизни?

Сказанное вовсе не означает, что такой анализ бесполезен. В ряде случаев он дает важные результаты. Например, позволяет определить текстовые лакуны, которые возникают при функционировании художественного текста в разных лингвокультурных группах. Эти данные необходимы, в частности, для разработки национально-ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного (см. [Степанченко, Юрковская 1987]). При исследовании же идиостиля такой анализ может носить лишь вспомогательный характер.

Вторая разновидность анализа художественного текста в коммуникативном аспекте – анализ «от текста» – можно также назвать функционально-типологическим анализом. Он позволяет выявить типологические черты организации структуры текста, которые определяют степень сложности его восприятия, особенности рецепции и, следовательно, позволяют проследить внутритекстовые причины вариативности содержания. Анализ «от текста», по существу, является филологической разновидностью «объективно аналитического метода», описанного Л. С. Выготским [Выготский 1968: 39-41]. Произведение искусства рассматривается как «система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию... Анализируя структуру раздражителя, мы создаем структуру реакции» [Выготский 1968: 41].

Обе разновидности анализа тесно взаимосвязаны и образуют диалектическое единство, которое направлено на изучение объекта как многомерного образования: психолингвистический анализ позволяет проверить адекватность выводов, сделанных в ходе функционально-типологического анализа, а функционально-типологический анализ помогает исследовать внутритекстовые причины вариативности, выявленной в ходе психолингвистического эксперимента.

Таким образом, с функциональной точки зрения вариативность содержания текста определяется как свойствами личности воспринимающего, так и особенностями организации текстовой структуры, что позволяет выделить два встречных направления в анализе содержания. И, хотя в теоретическом плане всегда рассматривалась связь текста с человеком, создающим или

воспринимающим текст, человек все же является промежуточным звеном между текстом и действительностью, которая, в конечном счете, обуславливает содержание текста, отражается в нем. Такое отражение носит сложный, диалектически противоречивый характер. Степень вариативности содержания, как и степень его стабильности, инвариантности, определяется двумя факторами: 1) различием тезауруса воспринимающих (личностных, возрастных, гендерных, социокультурных и т.д.); 2) особенностями организации материальной формы текста, воспринимаемой участниками коммуникации. Последняя определяет возможности различного объединения текстовых единиц в парадигмы и установления отношений между парадигмами.

1.4. Языковой и мыслительный (образно-понятийный) уровни содержательной структуры текста

Воспроизведение действительности в художественном тексте предполагает участие двух тесно связанных, но не совпадающих систем – мышления и языка. Это значит, что воспринимающий должен владеть двумя видами знаний – знанием языка и знанием той области «предметного мира», т. е. внетекстовой действительности, о которой говорится в тексте.

Языковой и мыслительный уровни содержательной структуры текста в их тесной взаимосвязи выделяются многими учеными (см. об этом [Залевская 1987: 24-25]). По утверждению В.А. Масловой, текст двулик по своей природе: с одной стороны, он обращен к системе языковых средств, с другой – к коммуникативному акту, одной из составных частей которого являются ситуации объективной действительности [Маслова 1984: 72]. Постановка вопроса о том, какой из двух видов знаний играет более важную роль в процессе восприятия текста, не представляется правомерной, поскольку и недостаточное владение языком, и отсутствие необходимых знаний о соответствующей области предметного мира приводят к одному результату – непониманию текста.

В лингвистической и философской литературе отношения между языковым и неязыковым уровнями в содержании текста рассматриваются по-разному. Крайними точками зрения является, с одной стороны, признание того, что неязыковые знания

фиксируются средствами языка, с другой – утверждение, согласно которому язык как средство передачи информации и хранения ее в мозгу не соответствует и не может соответствовать тому «языку», которым люди пользуются в общении друг с другом (анализ разных точек зрения см. в [Звегинцев 1982]).

Представляется, что при анализе восприятия текста целесообразно противопоставлять семантизирующее понимание (понимание на уровне преодоления трудностей языка) и когнитивное понимание (на уровне трудностей в освоении знаний о внетекстовой реальности) (см. [Богин 1987: 28]), что позволит противопоставить языковой и мыслительный уровни содержательной структуры художественного текста и показать их взаимосвязь.

В процессе восприятия текста в сознании реципиентов возбуждаются два вида образов – вербальные (образы материальной формы слов – последовательностей звуков или букв) и «предметные» (отражение в мозгу воспринимающих явлений и ситуаций внетекстовой действительности). «Идентификация текста как такового через построение некоторого мыслительного содержания подразумевает перевод с общенационального языка на язык интеллекта и оперирование как вербальными, так и невербальными единицами» ([Залевская 1987: 25]; см. также [Жинкин 1982]; [Новиков 1983] и др.).

При восприятии текста вербальные образы связываются в сознании реципиента как с другими вербальными, так и с «предметными» образами.

Как известно, словесное обозначение объектов и формы обобщения посредством слова основываются на выработке систем временных связей между вербальными и «предметными» образами. Рассматривая обобщающую деятельность мозга на уровне второй сигнальной системы, М.М. Кольцова отмечает, что сами связи не являются специфичными только для первой или второй сигнальных систем. Специфика может быть определена лишь на уровне формирования систем связей, последние же рассматриваются с точки зрения особенностей связываемых элементов. Так, связи между вербальными и невербальными образами могут быть названы понятийными, а связи между вербальными образами

внутри одной системы – собственно языковыми (грамматическими и семантическими) [Правдин 1983].¹

Как правило, в работах по лингвистическому анализу художественного текста используется традиционное определение категории ПОНЯТИЕ как мысли о существенных признаках определенного класса предметов. При функциональном подходе категория ПОНЯТИЕ нуждается в переосмыслении. Классификационные эксперименты Р.М. Фрумкиной и В.Г. Миркина показали, что «при сравнении смыслов знакомых слов рядовые носители русского языка оперируют смыслом слова как некоторым гештальт-образованием, не дробя его на «смысловые атомы». В результате разные свойства объектов оказываются в равной мере существенными для объединения именующих их слов в классы» [Фрумкина, Миркин 1987: 107]. С точки зрения динамики восприятия понятием можно было бы назвать образовавшийся «пучок связей», в который включены вербальные и невербальные образы (см. [Правдин 1976]). Такое определение понятия подтверждается данными психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Еще И.П. Павлов отмечал, что «когда образуется связь», т. е. то, что называется «ассоциацией», это и есть, несомненно, знание дела, знание определенных отношений внешнего мира» [Павлов 1949: 579].

Связи между вербальными и «предметными» образами обуславливают появление новых связей между «предметными» образами в сознании воспринимающего. Так, например, при восприятии художественного текста важное место занимает эмоциональная оценка содержания. «Предметные» образы в сознании реципиента связываются с соответствующими «эталоном» полезного и вредного, должного и недолжного, добра и зла (см. [Додонов 1984: 9]). Эмоциональный резонанс является

¹ Термин СЕМАНТИЧЕСКИЙ понимается в данном случае узко – как характеристика связей между вербальными образами в пределах одной языковой системы, т.е. обусловленные системой языка законы оперирования вербальными образами. Например, в русском языке глагол ПЕТЬ в неметафорическом предикативном сочетании допускает в субъектной позиции лексемы из класса антропонимов или зоонимов. Это его узко понимаемая семантическая характеристика. Выбор же конкретной единицы класса определяется уже не законами языка, а законами мышления. Семантика в широком смысле включает как языковой, так и мыслительный уровни.

одной из причин установления связей между «предметными» образами: «Поэт путем ассоциаций навязывает читателю совокупность ощущений, внешне разрозненных и случайных, а в сущности объединенных сходной эмоциональной окраской» [Малинина 1986: 39].

Итак, рассматривая содержательную структуру художественного текста, необходимо отметить следующее. Будучи отражением действительности, текст строится по определенным законам языка. В содержании текстовых единиц можно выделить два уровня, которые тесно связаны друг с другом и определяются 1) способностью вербального образа возбуждать в мозгу воспринимающего определенные «предметные» образы (область понятийных отношений) и 2) способностью возбуждать другие вербальные образы (область языковых отношений). В процессе восприятия художественного текста в человеческом сознании возникает сложная картина мира, в которой тесно переплетаются языковые и мыслительные единицы. Понятийная (или логическая) модель мира является относительно единой для всех людей, языковая варьируется от языка к языку [Брутян 1972: 94-95].

Во избежание терминологической путаницы первый уровень содержания художественного текста, соответствующий понятийной модели, предлагается назвать образно-понятийным, второй – собственно языковым.

Учет этих двух сторон содержания в их диалектической взаимосвязи необходим при исследовании лексики идиостиля, которая с функциональной точки зрения не может рассматриваться как явление только языковое. При ее анализе необходимо обращение к «предметным» образам, понятиям, эмоциональному строю – единицам образно-понятийного (мыслительного) уровня. Обе стороны диады «язык – мышление» взаимно обусловлены, поэтому нельзя описывать языковые средства безотносительно к единицам образно-понятийного уровня содержания. В то же время односторонним является описание образов, эмоций и понятий безотносительно к соответствующим единицам языка.

Итак, в ходе рецепции текста в сознании воспринимающего формируются образы слов – вербальные образы – отражение графических или звуковых последовательностей, которые связываются с хранящимися в памяти «предметными» образами – отражением предметов, явлений, ситуаций внетекстовой

действительности, а также с эмоционально-оценочными эталонами («предметные» и вербальные образы не следует смешивать с художественными образами, которые включают в себя не только чувственные представления, но и осмысление, связи с другими образами-представлениями). Образы и связи между ними предопределяют друг друга и представляют собой два аспекта одного явления – содержания текста – конкретный (образы) и абстрактный (связи). В зависимости от того, какие образы объединены в систему, абстрактный аспект может быть рассмотрен как семантический в узком смысле (связи объединяют вербальные образы) или понятийный, концептуальный (связи объединяют вербальные и «предметные» образы). Соответственно семантические связи являются принадлежностью языкового уровня содержательной структуры текста, а концептуальные – образно-понятийного (мыслительного) уровня.

Образование образно-понятийных парадигм в сознании воспринимающего, формирование на их основе общей гиперпарадигмы и есть понимание текста. Таким образом, понимание текста осуществляется не на языковом, а на образно-понятийном уровне содержательной структуры. Однако «проникнуть» в образно-понятийный уровень, минуя языковой, невозможно.

Объединение вербальных единиц в одну парадигму, как и установление связи между парадигмами, – сложный и субъективный процесс. Это и есть процесс сотворчества автора и читателя. Межпарадигмальные связи в тексте могут устанавливаться на языковом уровне, мыслительном и обоих одновременно.

Рассматриваемые парадигмы формируются на образно-понятийном уровне, т.е. законы построения парадигм находятся за пределами языка, в то же время парадигмы представляют собой вербальные образования. Связи между парадигмами могут возникать как связи между соответствующими вербальными компонентами.

Поскольку специфика отношений между языковым и мыслительным уровнями является одним из основных типологических признаков текста, остановимся на этом более подробно.

1.5. Диалектическое противоречие между языковыми и мыслительными отношениями как функционально-типологическая характеристика текстов

Рассмотренные выше уровни содержательной структуры текста образуют диалектически противоречивое единство. Это противоречие может быть рассмотрено как с точки зрения функционирования отдельных текстовых единиц (см. [Степанченко 1980, 1991]), так и с точки зрения функционирования текста в целом.

В первом случае отвлеченное противоречие проявляется как различная степень совмещения связей между вербальными образами и возбуждаемыми ими «предметными» образами. Например, в словосочетании *руки ребенка* каждое слово возбуждает соответствующий вербальный образ, с которым связан свой «предметный» образ. Связи между вербальными образами устанавливаются в сознании воспринимающего на том основании, что словосочетание построено на регулярной для русского языка лексико-грамматической модели, в которой каждая позиция занята лексическими единицами русского языка. Такое словосочетание является вполне правильным с языковой точки зрения. Соответствующие «предметные» образы также могут быть напрямую связаны друг с другом, такая связь не противоречит жизненному опыту реципиента. С одной стороны, «поведение» обеих единиц регулируется языковой системой, с другой – связи между данными единицами обусловлены внеязыковыми факторами.

В метафорическом же словосочетании *руки берез* (С. Есенин) такого совмещения нет. Словосочетание является регулярным на языковом уровне, т.е. на уровне связей между вербальными образами, но возбужденные «предметные» образы не могут быть связаны между собой непосредственно (у березы нет рук). В данном случае мыслительные связи не совмещаются с языковыми, противопоставляются им. Все это свидетельствует о сложности отношений между языком и мышлением в процессе коммуникации, об их противопоставленности и одновременно тесном единстве.

1.6. Переструктурирование текста в акте рецепции

Традиционно, начиная с трудов Ф. Соссюра, в системе языка выделяются два основных типа системных отношений – парадигматические и синтагматические: «В отличие от синтагматических отношений, которые даны в их актуализации, парадигматические отношения существуют как потенциальные и не характеризуют непосредственного взаимодействия лексических единиц в речи (тексте) [Новиков, 1982: 97].

В рамках рассматриваемой в данной работе модели текста соотношение между парадигматикой и синтагматикой могут быть рассмотрены несколько по-иному. «Фактическая линейность текста (устного или письменного) не совпадает с «линейностью» речемыслительного процесса при действительном восприятии текста или его «порождении» [Правдин 1980: 63]. В процессе восприятия текста происходит его переструктурирование: в сознании реципиента на образно-понятийном уровне соотносятся друг с другом не только единицы, связанные между собой синтагматически, но и единицы, расположенные дистантно. При этом последовательно «линейные» связи между совокупностью чувственно воспринимаемых элементов формы текста и реальные связи между этими элементами в речемыслительном процессе могут совмещаться в разной степени. Воспринимая текст, реципиент «переходит» от речевой синтагматики к установлению на образно-понятийном уровне связей между определенной исходной единицей и совокупностью других единиц, не связанных с исходной синтагматически, т.е. к образно-понятийным системам парадигматического типа.

Факт переструктурирования текста в акте его восприятия отмечен многими исследователями ([Белянин, 1988]; [Молчанова 1988] и др.). «В процессе чтения происходит переход от синтагматики к парадигматике» [Молчанова 1988: 18-19].

1.7. Принципы отражения действительности в тексте. Типы текстов

В сознании воспринимающего связываются текст и действительность, формируются связи между вербальными и «предметными» образами, соотносятся друг с другом языковая и

мыслительная системы. При этом «осью симметрии» между действительностью и текстом может быть понятие (концепт), т.е. связи между образами, и могут быть сами образы. Соответственно выделяются два принципа отражения действительности в тексте – концептуальный и проективный, которые, проявляясь в различном соотношении, определяют специфику функционирования текста.

Содержание художественного текста, в конечном счете, является отображением внетекстовой действительности. При этом имеется в виду, что от текста и от реальной жизненной ситуации на определенном этапе восприятия можно получить одинаковый эффект, т.е. текст может вызвать такие же сильные и такие же реальные переживания, какие вызывают вполне реальные жизненные ситуации [Правдин 1976: 100].

Термин ВОСПРИЯТИЕ вслед за П.М. Якобсоном употребляется в широком понимании, «подразумевая при этом и различные акты мышления, истолкования, нахождения связей в процессе восприятия предмета» [Якобсон 1964: 12].

Единство возникающих в мозгу воспринимающего чувственных образов, с одной стороны, и связей между ними – с другой, может быть представлено как единство абстрактного и конкретного. Образы (область конкретного) представляют собой отражение явлений объективного мира с помощью органов чувств – зрения, слуха и т.д. Соответственно образы могут быть зрительными, звуковыми и др. Качественную определенность, сущностные характеристики образы приобретают лишь в связях друг с другом (область абстрактного) и, следовательно, вне этих связей не существуют. В то же время абстрактные связи представляют собой правила оперирования конкретными образами, законы мыслительных переходов от одного образа (образов) к другому образу (образам) и, следовательно, без этих образов не существуют.

М.Н. Правдин рассматривает сходство действительности и ее изображения в процессе восприятия текста на двух уровнях: на уровне конкретно-чувственного образа и на уровне абстрактных связей между образами [Правдин 1976].

В первом случае, воспринимая, например, фотографию или реалистическую картину, мы получаем одинаковый эффект от изображения и изображаемого на уровне зрительного образа. Одинаковый зрительный эффект от трехмерного пространства и его

изображения на плоскости находит объяснение в физике. По словам Морриса Клайна, в основе этого эффекта лежат «общие геометрические свойства исходной фигуры и ее проекции, которые дают возможность произвести один и тот же эффект на зрение человека» (Цит. по [Правдин 1976: 91]).

Сходство изображения и изображаемого на уровне конкретного образа имеет место при восприятии словесных (вербальных) текстов, особенно художественных. Например, в области звукописи.

Возникающий образ включается в сеть связей с другими образами – как образами слов текста (вербальными образами), так и хранящимися в памяти воспринимающего образами явлений и ситуаций внетекстовой действительности («предметными» образами), т.е. понимается, осмысливается. Такое осмысление текста вариативно, причем каждый из вариантов может быть в той или иной мере «подкреплен» содержанием других отрывков текста.

Следовательно, если сходство действительности и текста устанавливается воспринимающим на уровне конкретного образа (при вариативности понимания текста), то действительность открывается воспринимающему со своей случайной, но конкретной стороны.

Переход воспринимающего от текста к действительности возможен не только на уровне конкретно-чувственного образа, но и на уровне некоторого осознания, понимания, т. е. на уровне абстрактных связей между образами. Физик Дэвид Бом приводит пример географической карты и отмечает отсутствие сходства на уровне образа («внешнего» сходства) между картой и «изображаемым» ею миром. «Тем не менее, пишет он, – хорошая карта обладает структурой, в определенных отношениях подобной структуре мира. Например, если на такой карте между городами А и В изображен некоторый город С, то при путешествии из А в В мы в самом деле обнаружим, что проследуем через город С. (цит. по [Правдин 1976: 92]). Действительность в такого рода текстах раскрывается преимущественно со своей закономерной, сущностной стороны.

Таким образом, в процессе восприятия текста, «изображающего» действительность, как и в процессе его создания, необходимо проделать определенные преобразования на

мыслительном уровне, в результате которых текст приобретает сходство с действительностью, и наоборот. Эти преобразования возможны только при наличии между текстом и действительностью среднего звена – человека, в мозгу которого эти преобразования осуществляются.

Рассмотренные выше принципы отражения действительности в тексте имеют место и при восприятии вербальных текстов, причем не только в сфере звукоподражания. Однако в этом случае проективность и концептуальность предстают как результат вторичного разграничения этих двух принципов, которое проводится на фоне преимущественно концептуального отражения действительности вербальным текстом.

Вербальные художественные тексты могут быть в большей мере ориентированы автором на возбуждение «предметных» образов в сознании воспринимающего (например, в пейзажной зарисовке), и в этом случае восприятие вариативно на уровне концепта. При ориентации текста на некоторое осмысление, понимание, внешний ряд «предметных» образов играет меньшую роль и достаточно вариативен (например, в т. н. «безобразных» текстах – см. [Якобсон 1983]).

Специфика проявления принципов проективности и концептуальности в вербальных текстах связана с тем, что любой вербальный текст ориентирован на некоторое понимание, поскольку, во-первых, подразумевает обязательное владение языком со стороны воспринимающего, во-вторых, отождествление вербального текста и действительности не может быть осуществлено на уровне внешнего сходства, т. к. оно отсутствует. Вербальный текст преимущественно отождествляется с действительностью на уровне концептуальных структур, ибо если воспринимающий не знает значения того или иного слова и не владеет соответствующим понятием, слово не возбудит в его сознании «предметного» образа.

И внутри вербальных текстов, и внутри текстов в широком смысле слова, относящихся к разным видам искусства, оба принципа отражения действительности не могут проявляться в отрыве друг от друга. Речь идет о текстах, которые носят по преимуществу проективный характер, либо по преимуществу концептуальный характер, либо оба принципа проявляются в них на равных правах.

Приведем иллюстрации. К вербальным текстам проективного типа можно отнести, например, стихотворение С. Есенина «По селу тропинкой кривенькой» (1914), представляющее собой описание конкретных ситуаций, связанных с проводами рекрутов. Как и в произведении реалистической живописи, авторская идея (концепт) определяется здесь лишь выбором тех или иных объектов описания, с которыми связаны определенные ассоциации, композицией произведения. Восприятие такого текста на концептуальном уровне вариативно. К произведениям такого типа можно отнести стихотворения «Береза», «Калики», «Дымом половодье», «Темна ноченька, не спится», «Вот уж вечер. Роса», «Там, где капустные грядки», «Поет зима – аукает» и др.

Такие тексты могут быть противопоставлены вербальным текстам концептуального типа. Аналогичное противопоставление отдельных текстовых единиц встречается в научных исследованиях. Так, Е. О. Опарина наряду с образными метафорами выделяет метафоры, которые стремятся освободиться от образности, т. е. воспринимаются на концептуальном уровне, рассчитаны на понимание, а не на возбуждение образных представлений. Например, ЧЕРВЬ СОМНЕНИЙ, ВОЛНА ГНЕВА и т.д. Концептуальная метафора «создается на ассоциативно-образной основе... При этом создание образа не является главной целью метафоры. Кроме того, образная номинация, сохраняющая в своем значении двуплановость, не способствует четкому обозначению понятия и может явиться помехой для функционирования лексической единицы» [Опарина 1988: 67]. Понятие концептуальности может быть отнесено и к целым текстам. В лирике С. Есенина этот тип текстов представлен стихотворениями «Я усталым таким еще не был», «Не жалею, не зову, не плачу», «Все живое особой метой», «Цветы мне говорят – прощай» и др., которые воспринимаются, главным образом, на уровне понимания, внешний ряд «предметных» образов играет в них менее значительную роль.

К текстам смешанного типа, в которых оба принципа проявляются в равной мере, относятся, например, стихотворения «Над окошком месяц», «Снежная замять крутит бойко», «Синий май, зарева теплынь» и др. Концептуальный план содержания представлен в большей их части как подтекст, в то же время большое количество «предметных» образов, возникающих в

сознании читателя, характеризует их как произведения проективные.

Проективный, концептуальный или смешанный тип стихотворных текстов во многом определяется характером их лексической системы.

1.8. Глубина текста

При переструктурировании текста в акте рецепции, т.е. при переходе от текстовой синтагматики к образно-понятийной (мыслительной) парадигматике, устанавливаются связи между вербальными образами (отражением формы слова в сознании человека) и «предметными» (образами явлений и ситуаций внетекстовой действительности). Так текст в сознании реципиента соотносится с действительностью. Но связи между вербальными образами в тексте и связи между генерируемыми ими «предметными» образами могут не совпадать [Степанченко 1991: 33].

Трудности, с которыми встречается реципиент при переструктурировании текста в акте восприятия, определяются именно затрудненностью формирования той или иной понятийной парадигмы при переходе от восприятия линейно связанных единиц материальной формы текста к парадигматике соответствующих образов и понятий.

Противопоставление языковых отношений отношениям мыслительным как противопоставление языковой синтагматики речемыслительной парадигматике проявляется в разных текстах по-разному. Следовательно, можно утверждать, что различна степень глубины того или иного текста, если под глубиной понимать противопоставление языковых отношений отношениям мыслительным (понятие глубины по отношению к метафоре как единице художественного текста было введено в [Степанченко 1980]).

Глубина текста, определяемая противопоставлением двух основных типов отношений, от которых зависит специфика функционирования текста, – языковых и мыслительных, является одним из важнейших типологических признаков текста и одновременно признаком идиостиля. Ее более подробное описание см. ниже.

Когда языковая и мыслительная системы совмещены, «накладываются» друг на друга, образуя в свою очередь систему более высокого уровня обобщения, вербальные и «предметные» образы выступают в виде определений одного и того же понятия. Это происходит в т.н. «банальных» текстах. Связи между вербальными образами на языковом уровне содержательной структуры текста в известном смысле направляют, регулируют соответствующие связи на мыслительном уровне. Однако противопоставление системы вербальных образов системе «предметных» образов оказывается более сложным, чем совмещение/отсутствие совмещения: характер противопоставления указанных систем, как и степень их противопоставления, зависит от ряда других факторов, в т.ч. факторов, определяющихся текстом в целом или рядом текстов.

Следовательно, большая степень противопоставленности языковых отношений отношениям мыслительным влечет за собой большую затрудненность и вариативность восприятия текста.

Глубина является градуальным признаком и позволяет разместить тексты на шкале глубины, крайними точками которой будут «банальные» тексты (тексты с небольшой глубиной, незначительной степенью противопоставленности языковых отношений отношениям мыслительным) и «глубокие» тексты (тексты со значительной степенью противопоставления языковых и мыслительных отношений).

Необходимо подчеркнуть, что глубина текста является неоценочной категорией: большая или меньшая глубина характеризует лишь степень затрудненности восприятия текста, но не влияет на эстетическую оценку произведения. В то же время глубина является одним из признаков, отличающих один идиостиль от другого. Этот признак интуитивно учитывается исследователями (например, стало привычным признание большей простоты есенинской поэзии по сравнению с поэзией В. Маяковского). Однако вопрос о том, какие особенности организации формы текста приводят к усложнению его содержания, во многом остается открытым. Описание специфики организации парадигматической структуры текстов различной глубины – одна из попыток ответить на этот вопрос.

Парадигматическая организация текста характеризуется такими параметрами, как актуальность парадигм, функции

парадигм, состав парадигм, конфигурация парадигм, связи между парадигмами и способ выражения парадигм. Весь комплекс параметров использовался при определении глубины текста. Основными параметрами, по которым проводилось исследование парадигматической организации лексики в произведениях С. Есенина и поэтов его окружения, являются состав, функции и средства связи частных парадигм в составе гиперпарадигмы.

1.9. Параметры анализа лексических парадигм

Любая лексическая микросистема не может быть рассмотрена вне выполняемых ею в произведении функций, поскольку связь лексемы с определенной функцией – это, по существу, связь формы и содержания, а анализ поэтических средств вне содержательных функций невозможен.

Учет состава лексической микросистемы позволяет реципиенту объединить лексемы в систему, и наоборот, воспринимая те или иные лексемы, осознавая взаимосвязь их, читатель устанавливает функцию.

Необходимо отметить, что конкретные параметры, положенные в основу типологии текстов, могут различаться при анализе разных идиостилей. Выработка единого алгоритма в этом случае невозможна из-за различных доминантных черт идиостилей. Поэтому при анализе идиостилей А. Мариенгофа, Н.Клюева и С. Клычкова исследователями были выделены более конкретные параметры, позволяющие провести более глубокий анализ их произведений. Так, в исследовании творчества А. Мариенгофа более значимыми параметрами является выделение и классификация антиномий, в творчестве Н. Клюева – функционирование конкретных парадигм, антиномий и формирование мотивов, в творчестве С. Клычкова – выделение лексических доминант произведений.

Рассмотрим параметры парадигматического анализа более подробно.

1.9.1. Функция парадигмы

В зависимости от количества выполняемых функций парадигмы могут быть монофункциональными (выполняющими

одну функцию в тексте) и полифункциональными (выполняющими несколько функций в тексте).

Количество выполняемых парадигмой функций, наряду с другими факторами, влияет на глубину текста: глубина текста больше в тех произведениях, в которых функционируют полифункциональные парадигмы. Поскольку формирование «предметного» образа любой модальности как «оси симметрии» между текстом и действительностью в сознании реципиента является более простым процессом, чем включение образа в связи с другими образами, т.е. понимание текста или его фрагмента.

По характеру функции парадигмы можно разделить на проективные (формирующие образ) и концептуальные (определяющие понятие). Все парадигмы в той или иной степени выполняют и проективные, и концептуальные функции, поскольку образ не существует вне понятия (связей с другими образами), а понятие подразумевает наличие связываемых образов. Выделение проективных и концептуальных парадигм осуществляется на основе их основной, доминирующей функции, при этом всегда имеющая место второстепенная, побочная функция во внимание не принимается.

Характер выполняемых парадигмой функций одновременно с другими параметрами определяет глубину текста: если доминантной является концептуальная функция парадигм (функция парадигмы заключается в определении понятия), то глубина текста больше, чем в случае, когда ведущая функция парадигм – проективная (функция парадигмы заключается в формировании образа).

Например, парадигмы произведения С.А. Есенина «Пускай ты выпита другим» являются моно-функциональными, их основная функция концептуальная. Например, парадигма ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ (*Бестрепетно сказать могу, / Что я прощаюсь; Пора расстаться*) выполняет одну функцию в тексте (генерирует понятие 'расставание с прежним образом жизни').

В стихотворении С.А. Клычкова «Люблю тебя я, сумрак предосенний...» парадигма ПРИРОДА (*Играет ветерок; облака гуськом бегут*) выполняет две функции. Ведущей функцией является проективная (элементы парадигмы создают образ), вторичная функция – концептуальная (парадигма ПРИРОДА генерирует понятие 'ПРИЯТИЕ жизни'). Необходимость перехода

от проективности к концептуальности усложняет восприятие текста.

Характер выполняемых функций, наряду с другими параметрами, влияет на глубину текста: если доминантной является концептуальная функция парадигм (функция парадигмы заключается в определении понятия), то глубина текста будет больше, чем в случае, когда ведущая функция парадигм – проективная (функция парадигмы заключается в формировании образа).

1.9.2. Состав парадигмы

Под составом парадигмы понимается система вербальных образов, генерирующая систему «предметных» образов, которые формируют парадигму.

Связи между элементами состава парадигмы могут быть мотивированы текстом (вне текста мотивация связей отсутствует) или обусловлены внетекстовой действительностью (элементы парадигмы воспринимаются как парадигматическая система и вне текста). При этом необходимо иметь в виду, что формирование парадигм всегда происходит под влиянием внетекстовой действительности, поскольку «предметные» образы всегда являются ее отражением. Предлагаемое разграничение типов мотиваций связано лишь с тем, что в одних случаях элементы парадигмы могут формировать одно и то же понятие в рамках текста и вне его (например, элементы «береза», «листья», «сосна», «дуб», «ветви» могут генерировать парадигму ДЕРЕВЬЯ вне произведения), в других – элементы парадигмы не могут быть объединены в одинаковые системы в тексте и вне его (например, элементы *Переломил; шагами ласк; Рот мой розовый, как вымя; Сушил; наг; не помню твоего имени; не склоню над женщиной /мудрого лба* формируют парадигму МУЖСКОЕ НАЧАЛО во второй части поэмы Анатолия Мариенгофа «Развратничаю с вдохновением»).

Тексты, в которых состав парадигм мотивирован текстом, обладают большей глубиной по сравнению с текстами, в которых состав парадигм обусловлен внетекстовой действительностью, поскольку объединение соответствующих «предметных» образов в парадигму требует обнаружения читателем нестандартных связей

между ними, порожденных воспринимаемым текстом. Связи, существующие и в тексте, и вне пространства текста, являются более привычными, устоявшимися, их формирование требует меньших усилий реципиента.

При характеристике состава парадигм также важно учитывать такой параметр, как логическая однородность и разнородность их состава. Выделение этого параметра связано с представлением о рецепции текста как о стохастическом процессе. Логическая однородность состава определяется предсказуемостью элементов парадигмы.

Если существует логическая связь между элементами парадигм текста (состав парадигмы является предсказуемым, логически однородным), то глубина текста будет меньше по сравнению с теми случаями, когда элементы парадигм текста связаны отдаленными ассоциациями (состав парадигмы является логически разнородным). Возникновение внутрипарадигмальных ассоциативных связей обусловлено привлечением широкого контекста (знанием творчества, эстетических установок и философских взглядов автора, культурных и социальных условий, в которых творил автор, исторического момента и т.д.).

Логическая разнородность состава парадигм значительно нарушает стохастичность текста. Нарушение стохастичности текста можно считать типичной чертой поэтических произведений, но степень нарушения в разных текстах разная. В произведениях, в которых функционируют парадигмы с логически разнородным составом, данное нарушение проявляется особенно отчетливо. Е.В. Ягунова отмечает, что «во время коммуникативного акта человек непрерывно планирует (программирует) свое восприятие, осуществляя необходимые регулировки, переключения и т.д. С этой точки зрения, каждое следующее слово должно быть каким-то образом «сверено» и согласовано с тем, что уже воспринято к текущему моменту» [Ягунова 2008: 630]. В том случае, если состав парадигмы логически однороден, такое согласование возможно, в противном случае – нет. Невозможность предсказать дальнейший элемент текста затрудняет его восприятие.

Например, состав парадигм стихотворения С.А. Клычкова «Зима» логически однороден и обусловлен внетекстовой реальностью. Элементы парадигмы ПРИРОДЫ (*Играет ветерок; облака гуськом бегут; Редеет лес; То осень старый бор обходит*

вдоль границ) могут генерировать соответствующую парадигму и вне контекста произведения.

Состав парадигм первой части поэмы А.Б. Мариенгофа «Развратничаю с вдохновением» мотивирован текстом и логически разнороден. Например, элементы парадигмы ТВОРЕЦ (*веру иную; благовест моего вранья; Своего вдохновенья; Кружит над павшими бойцами слава; Только крылья о звезды звенят; Поэтов насаживаю на рога*) не могут быть объединены в одну систему вне контекста данного произведения. Это уменьшает стохастичность текста (предсказать последующий элемент практически невозможно).

Очевидно, логическая однородность состава парадигм больше в случае обусловленности состава внетекстовой действительностью (см. выше). В случае обусловленности состава парадигм текстом степень логической однородности (предсказуемости) может варьироваться. Таким образом, мотивированность состава парадигмы и ее логическая однородность оказываются взаимосвязанными параметрами.

Как и многие другие характеристики парадигматической организации текста, логическая однородность состава парадигм зависит от особенностей читателей – социокультурных, возрастных, индивидуальных и др., поскольку в каждом конкретном случае акт восприятия и соответственно вариант интерпретации содержания обладают несомненной спецификой.

Таким образом, характеристики состава парадигм, наряду с другими факторами, влияют на глубину текста.

1.9.3. Связи между парадигмами

Лексические системы парадигматического типа в произведении не изолированы друг от друга, как не изолированы и функции, ими выполняемые. Аналогично тому, как, связывая вербальные единицы текста, реципиент создает микросистему парадигматического типа, восприятие более крупных текстовых блоков заставляет реципиента установить связь между выделенными им лексическими парадигмами, т.е. сформировать гиперпарадигму, парадигму парадигм. Например, в стихотворении С. Есенина «Край любимый» гиперпарадигму образуют взаимодействующие друг с другом парадигмы ПРИРОДА (*вода,*

межа, кашка и т.д.), РЕЛИГИЯ (*четки, монашки*) и ОЦЕНКА ЛИРИЧЕСКИМ ГЕРОЕМ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (*любимый, все встречаю* и т.д.).

Вычлененные исходные парадигмы могут быть взаимосвязаны по-разному. Например, в ранних есенинских произведениях парадигмы ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК в различных функциях связываются друг с другом при помощи определенных языковых синтагм: метафор, сравнений, неметафорических синтагм и т.д. Так, метафора *сонная глухарка к всенощной зовет* представляет собой пересечение двух упоминавшихся ранее парадигм.

Однако возможен и более сложный способ организации лексических гиперпарадигм в художественном тексте, когда связь между исходными парадигмами осуществляется только на образно-понятийном уровне, без опоры на соответствующую языковую синтагму. Этот способ находит аналогию в области формирования исходных парадигм без опоры на синтагматические связи и сводится к установлению реципиентом связи двух парадигм с третьей парадигмой, которая в этом случае чаще всего носит оценочный характер. Например, в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная» оценочная парадигма противопоставляет парадигмы ЗЕМНОЕ и ПОТУСТОРОННЕЕ. Таким образом, средство связи парадигм является важным параметром анализа лексических микросистем в тексте.

Таким образом, на языковом уровне средствами связи парадигм являются:

- а) грамматические средства;
- б) лексические средства.

На мыслительном уровне связь парадигм осуществляется:

- а) логически, с помощью экстралингвистических связей между единицами образно-понятийного уровня содержания;
- б) ассоциативно, с помощью образов, генерируемых текстом.

Парадигмы также могут противопоставляться на языковом и мыслительном уровнях одновременно.

Характер связей между парадигмами, наряду с другими параметрами, влияет на глубину текста. Тексты, связь парадигм которых осуществляется на мыслительном уровне, обладают большей глубиной по сравнению с текстами, связь парадигм которых осуществляется на языковом уровне. Причем при

ассоциативной связи парадигм процесс восприятия текста является наиболее сложным, т.е. глубина текста оказывается наибольшей.

Например, связь парадигм произведения Сергея Есенина «Пускай ты выпита другим» осуществляется на языковом уровне. Например, парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ПРОШЛОЕ и ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ связаны грамматически в рамках одной синтагмы (*Я сердцем никогда не лгу, / И потому на голос чванства / Бестрепетно сказать могу, / Что я прощаюсь с хулиганством*).

Функционирующие в стихотворении С.А. Есенина «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» парадигмы ПРОШЛОЕ (*Вспоминают московскую Русь; Что-то всеми навек утрачено*) и НАСТОЯЩЕЕ (*Проклинают свои неудачи; чадит мертвячиной / Над пропащею этой гульбой; Что-то злое во взорах безумных; Непокорное в громких речах; Жалко им тех дурашливых, юных, / Что сгубили свою жизнь сгоряча*) связаны на языковом уровне грамматически (*Проклинают свои неудачи, / Вспоминают московскую Русь* – в рамках одной синтагмы противопоставлены элементы парадигм) и на мыслительном уровне ассоциативно (соположение негативно окрашенной парадигмы НАСТОЯЩЕЕ и нейтральной парадигмы ПРОШЛОЕ обуславливает их противопоставление благодаря формированию дополнительных ассоциативных связей).

Парадигмы первой части поэмы Анатолия Мариенгофа «Развратничаю с вдохновением» ТВОРЕЦ (*веру иную; благовест моего вранья; Своего вдохновенья; Кружит над павшими бойца слава; Только крылья о звезды звенят; Поэтов насаживаю на рога; А скромный биограф уже стучит / Молотом воспоминаний по металлу слов, / Венец кует победителю*) и ОКРУЖАЮЩИЙ МИР (*Друзья и вороги; Исповедуйте; Веруйте; И ухаёт, / Материков вздымая черное брюхо; Как мертвую тушу лошадиную; Стаей вороньей; Тучей*) противопоставлены на мыслительном уровне благодаря ассоциациям. Творец использует окружающий мир как материал для творчества.

Таким образом, тексты, парадигмы которых связаны на мыслительном уровне, обладают большой глубиной по сравнению с текстами, парадигмы которых связаны на языковом уровне.

1.9.4. Актуальность парадигмы

По аналогии с рассуждениями Аарона Бекона и Артура Фримена о степени актуальности психологических схем [Бек 2002: 45], под степенью актуальности парадигмы текста понимается степень значимости парадигмы для понимания идеи произведения.

Степень актуальности парадигм варьируется от гипоактуальной (парадигмы имеют незначительную актуальность) до гиперактуальной (парадигмы доминируют в текстах, уменьшая значимость других парадигм, их функционирование предопределяет функционирование других парадигм).

Парадигма ЧУЖБИНА (*чернокожей; антилопу; Баобабы; пумы; Каннибалов жадный поселок; персты арабского Юма; ворот Судана; в шатрах пустынных; «девушки-бедуинки; Полосатой тигровой самке; самума; кит с гарпуном в лапу*), функционирующая в стихотворении Н.А. Клюева «Львиный хлеб», является гиперактуальной. Лирический герой произведения стремится в абсурдное будущее на чужбине, оставляя в прошлом родную страну. Идея произведения в целом отражает функцию гиперактуальной парадигмы.

В произведении С.А. Есенина «Ты прохладой меня не мучай» парадигмы МЕЧТЫ (*мечтал по-мальчишески; в дым; буду богат и известен; всеми я буду любим*) и РЕАЛЬНОСТЬ (*Богат я; богат с излишком; Был цилиндр, а теперь его нет. / Лишь осталась одна манишка / С модной парой избитых штиблет; известность моя не хуже, – / От Москвы по парижскую рвань / Мое имя наводит ужас, / Как заборная, громкая брань; Ты целуешь, а губы как жесть; чувство мое перезрело; А твое не сумеет расцвести*) формируют антиномию между реальностью и мечтами, которая не разрешается в рамках произведения. Выделение одной из парадигм как ведущей в данном случае невозможно, в стихотворении функционируют две гипоактуальные парадигмы.

Наличие в тексте гиперактуальной парадигмы облегчает его восприятие, поскольку идея представлена в более простой форме, чем в случае, когда она определяется связью между разными актуальными парадигмами. Текст с гиперактуальной парадигмой структурирован более просто и однозначно.

Аналогичное понятию «гиперактуальная парадигма» понятие «доминанта» находим у А.И. Новикова: «Доминанта, возникая в

сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков 1999: 81]. «Стягиванием содержания» вокруг одной гиперпарадигмы можно объяснить меньшие трудности, возникающие при восприятии текста, по сравнению с теми случаями, когда таких центров оказывается два, а соответственно и меньшую степень глубины текстов с гиперактуальной парадигмой.

Данную закономерность можно объяснить таким свойством восприятия, как его селективность, которая характеризуется избирательным выделением каких-либо отдельных признаков. В первую очередь выделяются такие признаки, которые обладают относительно большей интенсивностью, качественным отличием от других [Кондаков 2000: 342]. Если провести аналогию с актуальностью парадигм, то феномен селективного восприятия заключается в следующем: гиперактуальные парадигмы воспринимаются как доминирующие из-за большей интенсивности и качественного отличия от других, что фокусирует на них внимание. В том случае, если парадигмы текста не обладают такими качествами (как в случае функционирования гипоактуальных парадигм), то восприятие затрудняется, т.к. становится затруднительным выбор доминанты, который при таких условиях больше зависит от индивидуальных качеств реципиента.

1.9.5. Конфигурация парадигм

Под конфигурацией понимаются отношения между частными парадигмами, определяющие особенности их объединения в гиперпарадигму целого текста [Степанченко 2009: 124].

С точки зрения анализа индивидуального стиля поэта и с точки зрения собственно психолингвистики конфигурации парадигм рассматривались по-разному. В психолингвистическом плане конфигурация парадигм представила интерес как фактор, непосредственно влияющий не процесс восприятия, определяющий, в частности, степень его затрудненности и вариативности. В лингвостилистических исследованиях конфигурация рассматривалась как один из признаков, определяющих специфику идиостиля.

Проведенный анализ парадигматической организации поэтических произведений позволил отчасти подтвердить гипотезу, согласно которой конфигурация парадигм текста и степень его проективности/концептуальности оказываются взаимосвязанными. Степень взаимозависимости частных парадигм в составе гиперпарадигмы и степень проявления концептуального характера текста предстали как коррелирующие признаки. Проведенный анализ ряда стихотворений С. Есенина свидетельствует о том, что усиление концептуального начала влечет за собой более значительную степень зависимости друг от друга частных парадигм в составе гиперпарадигмы текста.

Продемонстрируем различия между текстами проективного типа и концептуального типа, выявленные с учетом указанных выше параметров, на материале анализа стихотворений С. Есенина «Береза» и «Не жалею, не зову, не плачу».

Первое стихотворение относится к текстам проективного типа. В гиперпарадигме стихотворения «**Береза**» взаимодействуют несколько парадигм. Природа и человек образуют здесь один мир, поскольку *береза* и *заря* персонифицированы, человек и природа в равной мере наделены способностью чувствовать.

Цветовая парадигма: *белая; снег; словно серебро, белой; снежная кайма; горят; в золотом огне; заря; новое серебро.*

Звуковая парадигма: *сонная тишина.*

Тактильная парадигма: *пушистый; кисти; бахромой.*

«Приглушенность» признаков и действий: *принакрылась; лениво; сонная.*

Парадигма состояния и его изменения: *принакрылась; распустилась; горят; обсыпает (новым серебром).*

Парадигма пространственно-временных координат: *под моим окном; заря, обходя кругом.*

Парадигматическую организацию этого текста условно можно назвать комплементарной. Отдельные парадигмы дополняют друг друга, не находясь в отношении образно-понятийной зависимости друг от друга. Внутренняя связь между парадигмами может быть в какой-то степени аналогична сочинительным отношениям перечислительного типа в синтаксисе. Гиперпарадигма при очевидном наличии внутренней связи между отдельными парадигмами строится по схеме «1 и 2 и 3 и 4», образуя открытую структуру. Можно предположить, что такого типа отношения,

видимо, присущи текстам по преимуществу проективного типа, в которых связь с действительностью устанавливается на уровне конкретного образа.

В содержании текстов, концептуальный характер которых проявляется в большей степени, конфигурация парадигм носит принципиально иной характер.

В стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу», как и в большей части других есенинских произведений, основное противоречие развивается на основе противопоставления двух парадигм, репрезентирующих два поэтических мира – природы и лирического героя.

Развитие соотношения между природным и человеческим мирами, представленных соответствующими парадигмами (*я, сердце, дух бродяжий, уста, глаза, чувства, желанья – белые яблони, березовый ситец*), типично для есенинских стихотворений – от отдельных точек соприкосновения к полному слиянию. Узлы пересечения, взаимодействия этих миров находим в сравнениях и метафорах:

*Все пройдет, как с белых яблонь дым
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

Пламень уст, половодье чувств.

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

В пятой, последней строфе эти два мира практически неразделимы:

*Все мы, все мы в этом мире тленны.
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.*

Средством связи указанных парадигм является и слово *увяданье*, относящееся к миру природы, но уже в первой строфе включенное, благодаря метафоре *увяданья золотом охваченный*, в мир лирического героя.

Противопоставление и одновременно единство отмеченных миров подкрепляется в тексте благодаря употреблению местоимений ТЫ, Я и МЫ. ТЫ в 3 строке 4 строфы, включая в себя Я и МЫ, в равной мере относится и к миру природы, и к миру человека, синтезирует диалогичность предшествующей части текста, подводит итог. Первая часть стихотворения – диалог Я, относящегося к миру лирического героя, к его тяжелым мыслям о прошедшей молодости и увядании, с ТЫ в обращениях лирического героя к *сердцу, духу бродяжьему, утраченной свежести, буйству глаз, половодью чувств, жизни* во 2, 3, 4 строфах. Эти лексические единицы в функции обращения выстраиваются в единую парадигму, которая определяет эмоциональную тональность стиха. «Предметные» образы, возбуждаемые членами этой парадигмы, ассоциируются со всем преходящим и прекрасным, что есть на земле. Противопоставление Я – ТЫ – это одновременно противопоставление мира молодости и мира увядания, мира реального и мира утраченного. Противопоставление этих миров одновременно подчеркивает и их единство. Об этом свидетельствует употребление местоимения МОЙ, относящегося к миру Я. Вначале это местоимение создает лишь отдельные «узлы» соприкосновения миров: МОЯ (мир Я) – утраченная свежесть (мир ТЫ). Выделенная парадигма обращений (мир ТЫ) построена с эмфатическим выделением последнего элемента *жизнь*. С одной стороны, функция обращения относит жизнь к миру ТЫ, с другой – соединение с местоимениями МОЯ и МНЕ связывает жизнь с миром Я.

В 5 строфе, эмоционально подготовленной эмфазой четвертой строфы, утверждается мысль о единстве всего сущего, поэт объединяет эти два мира: мир Я и мир ТЫ, снимает предшествующую антитезу и включает в это объединение мир природы. Это происходит за счет местоимения МЫ, которое в диалоге этой строфы трансформируется в ТЫ.

Как и большая часть произведений С. Есенина, анализируемое стихотворение построено на ряде общих и частных противопоставлений. В основе стихотворения лежит неразрешимое ни в пределах одного текста, ни в пределах всего есенинского творчества противоречие между ПРОШЛЫМ, НАСТОЯЩИМ и БУДУЩИМ. Отношение С. Есенина к разным его сторонам изменяется в разные периоды творчества. Такое противоречие, не

получающее своего разрешения, может быть названо поэтической антиномией.

Ведущими временными пластами в анализируемом стихотворении являются пласт настоящего и пласт прошедшего. Будущее только контурно обозначено в тексте и тесно связано с настоящим: *все пройдет, как с белых яблонь дым: я не буду больше молодым.*

План настоящего формируется за счет употребления глаголов в форме настоящего времени: *не жалею, не зову, не плачу; дух бродяжий, ты все режешь, режешь расшевеливаешь пламень уст* или временного локализатора теперь, сочетающегося с глаголами в будущем или настоящем времени:

*Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

Я теперь скупее стал в желаньях.

Парадигма, формирующая план прошлого: *молодость, свежесть, буйство глаз и половодье чувств, дух бродяжий* и пр.

Противопоставление парадигмы в процессе восприятия текста формирует в сознании читателя парадигму МОЛОДОСТЬ – ЗРЕЛОСТЬ, которая имеет аналогию в мире природы – ЦВЕТЕНИЕ – УВЯДАНИЕ. Эти антиномии предстают как варианты отмеченной выше временной антиномии, поскольку цветение ассоциируется с настоящим, а увядание – с прошлым.

Лирический герой анализирует свое состояние, противопоставляя эти временные пласты. Основная антиномия порождает ряд более частных противопоставлений. Прежде всего, это два плана оценки лирическим героем своего нынешнего состояния. Первый план – план декларативной оценки: *не жалею, не зову, не плачу; все мы...тленны; будь же ты вовек благословенно, что пришло процветать и умереть.* Лирический герой как бы убеждает себя в естественности и закономерности того, что с ним происходит, и аналогичные процессы в природе, на первый взгляд, подтверждают это: *как с белых яблонь дым; тихо льется с кленов листьев медь.*

Однако в анализе состояния увядания есть и второй план. Молодость – это время, когда поступки совершаются по голосу

чувства, а не по убеждениям разума (*и страна березового ситца не заманит шляться босиком*). Чувства порождают *дух бродяжий*, который в свою очередь способен расшевелить *пламень уст*. *Пламень уст* – внутренняя раскрепощенность, свобода, питающиеся молодостью, – необходим герою и для любви, и для поэзии. Любовь и поэзия неразделимы. *Холодок, тронувший сердце, погасившие уста* – угроза поэтическому дару. И хотя этот мотив не получает в стихотворении дальнейшего развития, он усиливает настроение трагичности, невозвратимости былого, подготавливая как бы невзначай прорывающуюся сквозь убеждения разума в естественности происходящего фразу, идущую от чувства:

*О моя утраченная свежестъ,
Буйство глаз и половодье чувств.*

Звучащая в этой фразе боль утраты, горечь сожаления о прошедшей молодости разрушает полную аналогию между увяданием в мире природы и в мире человека. В природе увядание протекает безболезненно, в мире людей этот процесс ощущается лирическим героем, как величайшая драма. Так развивается второй план антиномии, в котором человек и природа оказываются скорее противопоставленными, чем сопоставленными. Это оценка лирическим героем своего состояния с точки зрения чувства. Мысль и чувство вступают в противоречие.

Второй план порождает частную антиномию ОТЧАЯНИЕ – НАДЕЖДА. Увядание – это еще не смерть: сердце, даже тронутое холодком, будет продолжать биться, хотя и не так, как раньше, желания останутся, хотя и станут скупее. Так в стихотворении возникают оптимистические нотки, хотя надежда и боль по-прежнему выступают в роли несводимых друг к другу противоположностей. Противоречие не получило своего разрешения, обе стороны антиномии сосуществуют в сознании лирического героя.

Таким образом, стихотворение представляет собой анализ героем антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ (МОЛОДОСТЬ – ЗРЕЛОСТЬ, ЦВЕТЕНИЕ – УВЯДАНИЕ). Взаимосвязь этих парадигм осуществляется в основном благодаря связи с парадигмой ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ. Взаимосвязь временных пластов, мира природы и человека осуществляется в основном за счет связи с третьей парадигмой – парадигмой эксплицитно выраженной оценки той или иной стороны антиномий. Именно эта прямо выраженная

оценочность придает стихотворению концептуальный характер и обуславливает связь остальных парадигм зависимостью от оценочной парадигмы.

Проведенный анализ парадигматической организации произведений С. Есенина позволяет отчасти подтвердить гипотезу, согласно которой конфигурация парадигм текста и степень его проективности/концептуальности оказываются взаимосвязанными параметрами. Степень взаимозависимости частных парадигм в составе гиперпарадигмы и степень проявления концептуального характера текста предстают как коррелирующие признаки. Проведенный анализ двух стихотворений свидетельствует о том, что усиление концептуального начала влечет за собой большую степень зависимости друг от друга частных парадигм в составе гиперпарадигмы текста. Если следовать строгой аналогии с синтаксисом, можно утверждать, что парадигматическая организация проективных текстов ближе к паратаксису, концептуальных – к гипотаксису.

Конфигурация парадигм, наряду с другими параметрами парадигматической организации, влияет на глубину текста: с возрастанием обусловленности и зависимости друг от друга частных парадигм в составе гиперпарадигмы текста возрастает и глубина текста. Т.е. произведениям, в которых функционируют парадигмы с обусловленной конфигурацией, свойственна большая глубина текста, чем произведениям, в которых конфигурация парадигм является необусловленной.

Например, конфигурация парадигм произведения С.А. Есенина «Все живое особой метой» является необусловленной. Парадигмы ПРОШЛОЕ (*часто с разбитым носом / Приходил я к себе домой; Я цедил сквозь кровавый рот; Ничего! Я споткнулся о камень, / Это к завтраму все заживет; простыла / Этих дней кипяtkовая вязь; мне били в морду; маме*) и НАСТОЯЩЕЕ (*чужой и хохочущий сброд; Беспокойная, дерзкая сила / На поэмы мои пролилась; теперь вся в крови душа; Ничего! Я споткнулся о камень, / Это к завтраму все заживет*) находятся в незначительной зависимости друг от друга. Парадигмы соединены отношениями, которые аналогичны паратаксису: они дополняют друг друга в составе гиперпарадигм, образуя открытый образно-понятийный ряд.

Конфигурация парадигм стихотворения С.А. Есенина «Ты прохладой меня не мучай» является обусловленной, парадигмы МЕЧТЫ (*мечтал по-мальчишески; в дым; буду богат и известен; всеми я буду любим*) и РЕАЛЬНОСТЬ (*Богат я; богат с излишком; Был цилиндр, а теперь его нет. / Лишь осталась одна манишка / С модной парой избитых штиблет; известность моя не хуже, – / От Москвы по парижскую рвань / Мое имя наводит ужас, / Как заборная, громкая брань; Ты целуешь, а губы как жемчуг; чувство мое перезрело; А твое не сумеет расцвести*) находятся в значительной зависимости друг от друга и объединены в гиперпарадигму теста по принципу гипотаксиса. Степень противопоставления парадигм постепенно уменьшается, противопоставление сменяется в последней строфе произведения их соположением. Лирический герой не потерял веру в мечту, но видит ее несостоятельность в сложившейся ситуации и теперь хочет мечтать о другом, о новом, чтобы предмет мечты стал реальностью.

1.9.6. Способ выражения парадигмы

Парадигмы большей части текстов выражаются эксплицитно, т.е. все элементы данных парадигм (вербальные образы, генерирующие систему «предметных» образов, т.е. парадигму) присутствуют в тексте.

Например, парадигмы произведения С.А. Клычкова «Люблю тебя я, сумрак предосенний...» ПРИРОДА (*Играет ветерок; облака гуськом бегут*), УВЯДАНИЕ (*Редееет лес; То осень старый бор обходит вдоль границ; покой и увяданье; Давно <...> увядшего*), НОЧЬ (*сумрак предосенний; Закатных вечеров торжественный разлив; как в сновиденьи*), ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ (*в сердце у меня такой же тихий свет; золотая быль благоуханных лет; замороженный след; страданья; Люблю тебя я*) выражены эксплицитно. В произведении отсутствует подтекст.

Но встречаются также парадигмы, элементы которых присутствуют в тексте частично или только подразумеваются. Такие парадигмы являются частично или полностью имплицитными. Благодаря вычленению имплицитных парадигм и установлению их связей с другими парадигмами в ходе восприятия текста раскрывается подтекст, скрытый смысл текста.

Актуализация имплицитных парадигм в ходе восприятия текста ведет к формированию подтекста и позволяет более полно понять текст. Наличие или отсутствие имплицитных парадигм в тексте может также служить характеристикой идиостиля поэта, определяющей содержательные особенности творчества.

Наличие в тексте частично имплицитных или имплицитных парадигм затрудняет восприятие текста, т.к. реципиенту для формирования таких парадигм необходимо установить дополнительные логические или ассоциативные связи. С.М. Карпенко связывает механизм возникновения «подтекста» произведения с процессом ассоциирования, «...на основе которого происходит приобщение читателя к авторскому мироощущению. Ассоциации, возникшие в сознании читателя, позволяют соотнести новую информацию с уже имевшейся в его прошлом опыте» [Карпенко 1995: 142]. К.А. Долинин отмечает, что «механизмом возникновения подтекста являются в его (читателя) мозгу ассоциации между теми или иными элементами эксплицитного содержания текста и представлениями и понятиями, связанными с ними в действительности» [Долинин 1985: 39].

Например, функционирующая в стихотворении С.А. Есенина «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» парадигма НЕИЗМЕННОСТЬ (*Снова; здесь*) является частично имплицитной: элементов парадигмы не достаточно для ее формирования, в этом процессе участвуют ассоциативные межпарадигмальные связи. Первоначальное противопоставление парадигм ПРОШЛОЕ и НАСТОЯЩЕЕ благодаря ассоциативным связям переходит в сопоставление в конце произведения, декларируя отсутствие перемен (*Ты, Рассея моя... Рас... сея... Азиатская сторона*). Имплицитные и частично имплицитные парадигмы являются разновидностями парадигм, мотивированных текстом. Их связь осуществляется на мыслительном уровне, поскольку вербально парадигмы не представлены.

Таким образом, способ выражения парадигм, наряду с другими факторами, влияет на глубину текста: функционирование в произведении парадигм, выраженных имплицитно или частично имплицитно, повышает глубину текста из-за увеличения количества этапов процесса понимания.

Глубина текста определяется совокупностью характеристик парадигм, т.е. всеми рассмотренными выше параметрами парадигматической организации произведения.

1.10. Выводы

Таким образом, в основу проведения парадигматического анализа лексики были положены следующие теоретические положения.

1. При функциональном подходе текст (дискурс) рассматривается как единица коммуникативного акта, сущность которого сводится к генерированию на основании восприятия материальной (буквенно-звуковой) формы в сознании воспринимающего мыслительного содержания, в основе которого лежит опыт (тезаурус) реципиента. Содержание художественного текста всегда вариативно. Степень вариативности содержания, как и степень его стабильности, инвариантности, определяется двумя факторами: 1) различием тезауруса воспринимающих (личностных, возрастных, гендерных, социокультурных и т.д.); 2) особенностями организации материальной формы текста, воспринимаемой участниками коммуникации. Последняя была определена количеством возможностей различного объединения текстовых единиц в парадигмы и установления отношений между парадигмами.

2. Будучи отражением действительности в сознании реципиента, текст строится по определенным законам языка. В содержании текста вычленяются два взаимосвязанных уровня: собственно языковой (уровень вербальных образов и связей между ними в рамках системы того или иного языка) и образно-понятийный (уровень «предметных» образов – образов явлений, ситуаций действительности и связей между ними в опыте той или иной группы реципиентов). Связь между этими уровнями носит сложный характер и не сводится к отношениям семиотической репрезентации и кодирования.

3. Содержание текста с антропоцентрической точки зрения – это «совмещение» отражения буквенно-звуковой формы текста и «картины мира» в мышлении воспринимающих. Как отмечал Ю.Н. Караулов, «текст соотносится с действительностью в парадигматике». В избранной антропоцентрической модели анализ

текста – это попытка моделирования процесса восприятия текста реципиентом.

4. В процессе восприятия текста происходит его переструктурирование: в сознании реципиента на образно-понятийном уровне соотносятся друг с другом не только единицы, связанные между собой синтагматически, но и единицы, расположенные дистантно. При этом последовательно «линейные» связи между совокупностью чувственно воспринимаемых элементов формы текста и реальные связи между этими элементами в речемыслительном процессе могут совмещаться в разной степени.

5. Трудности, с которыми сталкивается реципиент при переструктурировании текста в акте восприятия, определяются именно затрудненностью формирования той или иной понятийной парадигмы при переходе от восприятия линейно связанных единиц материальной формы текста к парадигматике соответствующих образов и понятий.

6. Противопоставление языковых отношений отношениям мыслительным как противопоставление языковой синтагматики речемыслительной парадигматике проявляется в разных текстах по-разному. Следовательно, различна степень глубины того или иного текста. Под глубиной понимается противопоставление языковых отношений отношениям мыслительным (понятие глубины по отношению к метафоре как единице художественного текста было введено в [Степанченко 1980]).

7. Глубина текста понимается как степень противопоставленности языковых отношений (связей между вербальными образами) отношениям мыслительным (связям между «предметными» образами), как противопоставление языковой синтагматики речемыслительной парадигматике [Степанченко 1991: 33].

Была установлена следующая зависимость глубины текста от параметров парадигматической организации:

Если между единицами парадигм текста имеет место логическая связь (состав парадигмы является логически однородным), то глубина текста будет меньше по сравнению с теми случаями, когда элементы парадигм текста связаны ассоциативно (состав парадигмы является логически разнородным). Глубина

текста также возрастает с возрастанием контекстуальной обусловленности состава парадигм.

Тексты, связь парадигм которых осуществляется на мыслительном уровне, обладают большей глубиной по сравнению с текстами, парадигмы которых связаны на языковом или на языковом и мыслительном уровнях одновременно.

Характеристика состава парадигм связана с характеристикой межпарадигмальных связей. В обоих случаях необходимость установления связей на мыслительном уровне увеличивает глубину текста. Если такие связи устанавливаются между элементами парадигмы, то речь идет о характеристике состава парадигм, а если между парадигмами – о характеристике межпарадигмальных связей. Зачастую парадигмы, элементы которых объединены ассоциативно, связаны между собой на мыслительном уровне.

Глубина текстов, в которых функционируют гиперактуальные парадигмы, меньшая по сравнению с произведениями, в которых функционируют гипоактуальные парадигмы.

Количество выполняемых парадигмой функций прямо пропорционально глубине текста (чем больше функций выполняет парадигма, тем больше глубина текста). Глубина текста выше в тех произведениях, в которых ведущей функцией парадигм является концептуальная.

Тексты, парадигмы которых соединены отношениями, аналогичными паратаксису (парадигмы дополняют друг друга в составе гиперпарадигм, образуя открытый образно-понятийный ряд; конфигурация парадигм является необусловленной), видимо, обладают меньшей глубиной по сравнению с текстами, парадигмы которых объединены отношениями, аналогичными гипотаксису (тексты с обусловленной конфигурацией парадигм).

Функционирование в произведении парадигм, выраженных имплицитно или частично имплицитно, повышает глубину текста. Парадигмы данного типа являются разновидностями парадигм, состав которых мотивирован текстом. Связь парадигм в таких текстах осуществляется на мыслительном уровне. Наличие парадигм, выраженных таким способом, обуславливает наличие подтекста в произведении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии были рассмотрены особенности парадигматической организации лексики в произведениях С. Есенина и поэтов его окружения (А. Мариенгофа, Н. Клюева, С. Клычкова).

В любом идиостиле можно выделить доминантные черты разной степени обобщенности. Наиболее общей доминантной чертой есенинского идиостиля является контрастность, «двоемириность». Раздвоенность художественного мира С. Есенина отмечена многими исследователями [Марченко 1972, Новикова 1975, Михайлов 1986, Захаров 2002 и др.].

Противоположные взаимосвязанные начала, антитезы, составляющие каркас художественного мира С. Есенина, могут быть названы антиномиями, поскольку они не получают однозначного разрешения в творчестве поэта. Антиномии выделяются на образно-понятийном уровне содержательной структуры текста и являются ведущими в той или иной группе стихотворений,

Подобные противопоставления можно выделить и в творчестве поэтов, близких С. Есенину, однако, как показал анализ, они, как правило, не носят характера антиномий. В монографии сопоставлялись лексические парадигмы, формирующие антитезы ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ, ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, их состав, функции и средства взаимосвязи с другими парадигмами для выявления общих и отличительных черт парадигматической организации лексики идиостилей.

Так, сравнительный анализ лексических парадигм в произведениях С. Есенина и А. Мариенгофа позволил сделать вывод о том, что для стихотворений А. Мариенгофа в лексике, формирующей антитезу МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ частотными являются слова, которые на межтекстовом уровне становятся символами увядания в мире природы и человека. Причем эпитеты, определения и метафорические сравнения, используемые для оценки этого процесса, вызывают неоднозначные ассоциации (например, «седина»).

В стихотворениях А. Мариенгофа оказалось большое количество однофункциональных лексических парадигм, что объясняет «вычурность» некоторых образов.

Ведущими лексическими парадигмами поэтических произведений обоих поэтов являются: ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ПРИРОДА, ОЦЕНКА, в то время как парадигма СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ОБЪЕКТОВ в произведениях С. Есенина не выделяется.

Природная парадигма у поэтов по-разному взаимодействует с другими лексическими парадигмами. У А. Мариенгофа связь парадигм ПРИРОДА/ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ/ОЦЕНКА на концептуальном уровне формирует идею единения природы и человека, а у С. Есенина эти отношения предстают как неразрешимые противоречия («притяжение – отталкивание»). Основными средствами связи этих парадигм в анализируемых стихотворениях А. Мариенгофа являются сравнение, метафора и их разновидности.

По-разному философски осмысливается поэтами антитеза МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ. Анализ соответствующих лексических парадигм показал, что процесс увядания у А. Мариенгофа рассматривается как естественный, закономерный, а в стихотворениях С. Есенина – как вынужденный с точки зрения лирического героя акт.

Если в стихотворениях А. Мариенгофа позиция автора эксплицитно выражена, то анализ противоречий С. Есенина указывает на противоречивое отношение поэта к увяданию. Из этого следует, что есенинские стихотворения основываются на антитезе-антиномии, а произведения А. Мариенгофа, соответственно, – на антитезе-конflikте.

В стихотворениях А. Мариенгофа ведущими лексическими парадигмами являются парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, БЫТ и ОЦЕНКА. В лирике С. Есенина ведущие парадигмы – ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, РОДИНА, ОЦЕНКА. В отличие от поэзии А. Мариенгофа в есенинских стихотворениях наиболее широко представлена парадигма РОДИНА. У А. Мариенгофа шире других представлена парадигма БЫТ, а парадигмы РОДИНА и РЕЛИГИЯ практически отсутствуют. Таким образом, лексика сопоставляемых идиостилей различается прежде всего типами парадигм.

Частные противоречия, на основании которых формируется антитеза ДУША – РЕАЛЬНОСТЬ, различны. Так, у А. Мариенгофа – это ПОЭЗИЯ – КАБАК и ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ (ее разновидность МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ), у С. Есенина – МЕЧТА – ЖИЗНЬ и РОДНОЕ СЕЛО – ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

У А. Мариенгофа дается отрицательная оценка образа жизни лирического героя, но, по мнению поэта, именно такой образ жизни является единственно возможной формой протеста против реальной действительности. «Кабак, Девы» воспринимаются как «спасительный круг» для души умирающих «стихотворцев». Парадигмы БЫТ и ПРИРОДА, связываясь при помощи метаморфозы и сравнения (функция единения мира человека (кабака) и природы), в равной мере значимы в стихотворениях, как равно значимы эти две стороны окружающей среды для лирического героя. Связанная с ними отрицательно-оценочная парадигма призвана вызвать в читателе чувство сострадания лирическому герою.

Для лирического героя С. Есенина же характерно состояние неуверенности в правильности выбранной позиции, жизненного пути.

Как показал анализ, наиболее часто употребляемыми средствами связи парадигм в произведениях А. Мариенгофа являются сравнения, метафорические синтагмы и метаморфозы. У С. Есенина отмечается снижение частотности метафорических синтагм как средства связи и полное отсутствие употребления метаморфозы.

В стихотворениях А. Мариенгофа и в стихотворениях С. Есенина, парадигма ПРИРОДА реализуется по-разному. Если в стихотворениях А. Мариенгофа природа отождествляется (с помощью олицетворения) с миром богемы, то в лирике С. Есенина природа является неотъемлемой частью дорогой душе поэта «деревянной Руси» – Родины. Природа и отрицательно-оценочные характеристики в анализируемых стихотворениях С. Есенина несовместимы.

В стихотворениях А. Мариенгофа позиция автора, как правило, выражена эксплицитно и однозначно: богемный образ жизни является своеобразной формой протеста против окружающей действительности. У С. Есенина же лирический герой находится в состоянии постоянного внутреннего конфликта с

самим собой, и это одно из проявлений «двоемирности» поэтического мира автора.

Анализ реализации антитезы СВОЕ – ЧУЖОЕ в произведениях А. Мариенгофа показал, что она представлена в двух сюжетных модификациях. В одной из них СВОЕ – это дорогой сердцу и привычный для лирического героя образ жизни, а ЧУЖОЕ – произошедшие в стране коренные изменения: в другой СВОЕ – это Родина, а ЧУЖОЕ – ЧУЖБИНА.

В есенинской лирике антитеза СВОЕ – ЧУЖОЕ представлена только в одной, первой из названной выше модификаций, и в этом проявляется большая острота восприятия поэтом происходящих на его Родине изменений.

В составе лексических парадигм стихотворений С. Есенина и А. Мариенгофа наблюдается определенное сходство. Например, «чужой», «пустыня, жидкий, смешной, грустный, тоска, пепел (зола)» – ОЦЕНКА; «вино, кабак, баба» – БЫТ; «Москва, Россия, земля, страна» – РОДИНА. Стабильность состава лексики идиостилей поэтов обуславливается сходством сюжетной модификации антитезы и типов парадигм, ее формирующих.

В составе парадигмы БЫТ в произведениях обоих поэтов присутствует «низкая лексика», характеризующая богемный образ жизни лирического героя. Однако в стихотворениях А. Мариенгофа подобный образ жизни – это единственно возможный выход из сложившейся ситуации, у С. Есенина – это временное состояние, позволяющее забыться, на время успокоить нестерпимую душевную боль от состояния неопределенности.

Так, например, «пустыня» в лирике А. Мариенгофа на межтекстовом уровне становится символом одиночества и уединения. «Пустыня» для С. Есенина – это не выход, так как «не вылечить души//Пустыней и отколом».

Стихотворения А. Мариенгофа (в отличие от есенинских) преимущественно построены на кольцевой композиции, что вызывает при их восприятии ассоциации со статичностью, мгновенностью описываемого, позволяет переосмыслить текст от «конца к началу».

Оценочные характеристики в стихотворениях А. Мариенгофа выражены эксплицитно, тогда как анализ показывает отсутствие однозначных оценок сторон главной антитезы у С. Есенина.

Как и у С. Есенина, противопоставления ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ и др. являются ведущими в творчестве Н. Клюева, хотя характер этих противопоставлений в творчестве каждого из поэтов различен. Были сопоставлены лексические парадигмы, формирующие антитезы ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ, ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, их состав, функции и средства взаимосвязи.

Сопоставление лексических микросистем в идиостилях С. Есенина и Н. Клюева проводилось на материале отдельных произведений, отдельных парадигм и ряда парадигм, реализующих в творчестве одного и другого поэта сходные антитезы и сходные мотивы.

Например, анализ парадигмы ПРИРОДА показал значительные различия в функционировании природной парадигмы лексики сопоставляемых идиостилей. У С. Есенина природная парадигма выступает как самостоятельная группа лексем, вступающая в отношения сопоставления и противопоставления с другими парадигмами. У Н. Клюева природная парадигма гораздо менее самостоятельна. Можно утверждать, что у Есенина функция слова определяется зачастую только парадигматической закрепленностью, т.е. выбор конкретной лексемы из состава природной парадигмы в некоторых случаях становится несущественным, одна лексема может быть употреблена вместо другой, функциональной значимостью обладает парадигма в целом. У Н. Клюева присутствие в стихотворениях лексем природной парадигмы важно не само по себе, а как средство выражения фольклорного начала. «Предметные» образы, возникающие при этом, менее конкретны и чаще всего не носят проективного характера, внося в произведение дух народных заветов, традиций, фольклорной архаики.

Иными словами, если у Есенина значительна функциональная нагрузка природной парадигмы, то у Клюева функционально значима не столько природная, сколько фольклорная парадигма.

С точки зрения состава природная парадигма у Н. Клюева мало отличается от соответствующей парадигмы С. Есенина, хотя представляется, что у Есенина эта парадигма представлена более широко. Различия же в области функций, как показал анализ, являются более значительными. В целом они сводятся к тому, что,

будучи связанными в обоих идиостилях практически с одними и теми же другими парадигмами, у С. Есенина лексемы природной парадигмы определяют в эволюции идиостиля уменьшение проективного начала и последующее «выравнивание» проективности и концептуальности. В идиостиле Н. Клюева, напротив, эволюция сводится к увеличению удельного веса проективного начала в предреволюционные годы и последующему значительному росту концептуального начала. Существенны различия и в области средств связи природной парадигмы с другими парадигмами. В поэзии С. Есенина рассматриваемая группа лексем в разные периоды занимает как позицию метафорического слова в метафорических конструкциях, так и позицию модификатора (предмета метафоризации) или субъекта сравнения, т.е. может быть и средством анализа, и объектом анализа в художественном пространстве стиха. В идиостиле Н. Клюева слова природной парадигмы лишены такого многообразия и, как правило, занимают лишь позицию метафорического слова или объекта сравнения.

В стихотворениях С. Есенина антиномия ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ относится не столько к внешнему миру, сколько к внутреннему состоянию ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ, создает атмосферу надрыва, не находя своего разрешения. Симпатии Н. Клюева однозначно на стороне ПРОШЛОГО, мир которого автор никак не связывает с миром настоящего.

При помощи парадигмы ПРИРОДА, в которой преобладает отрицательно-оценочная лексика, Н. Клюев выражает свое отношение к миру настоящего, включая лексемы природной парадигмы в состав других парадигм. В есенинских стихотворениях данного блока природная парадигма многофункциональна: она выполняет орнаментальную, символическую функции, а также служит средством создания синтетического природно-человеческого мира.

Антитеза-антиномия МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ функционирует в поздний период творчества С. Есенина. У Н. Клюева эта антитеза, претерпевающая изменения, функционирует на протяжении всего творчества.

Ведущими лексическими парадигмами есенинских и клюевских поэтических произведений, разрабатывающих антиномию МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ, являются парадигмы

ПРИРОДА, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ОЦЕНКА. Практически одинаковый набор парадигм свидетельствует об общности проблематики стихотворений обоих поэтов.

Парадигма ВОЗЛЮБЛЕННАЯ в стихотворениях С. Есенина является широко представленной, а парадигма ЛЮБИМАЯ в ключевских стихотворениях – единичной, и это следствие разной значимости темы любви к женщине в творчестве поэтов.

Парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в произведениях С. Есенина и Н. Клюева отличается как количественным, так и качественным составом. Парадигма Н. Клюева состоит из слов, выполняющих проективную функцию. Есенинская парадигма состоит из большого количества много- и разнофункциональной лексики. Есенинское отношение к процессу увядания как противоестественному, хотя и неизбежному противостоит ключевскому религиозному пониманию течения человеческой жизни. Мотив возвращенной молодости в творчестве Н. Клюева рассматривается как состояние души лирического героя, а не как противоестественный процесс.

Природная парадигма в данной группе стихотворений С. Есенина состоит из лексики, характеризующей состояние увядания. Лексика, вызывающая ассоциативную связь с лексемой *холод*, определяет ее состав. Двойственность восприятия поэтом природы и человека (отношения объединения, и одновременно противопоставления) не позволяет сделать выводы об однозначном, определенном отношении С. Есенина к каждой из сторон антиномии. В стихотворениях Н. Клюева именно природная парадигма дает основания для определения авторской позиции по отношению к сторонам антиномии МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ. Авторские симпатии обнаруживаются на стороне МОЛОДОСТИ.

В составе парадигмы ПРИРОДА в произведениях С. Есенина отмечается наличие колоративной лексики (например, *золотая, розоватая, синяя, седые, голубые, желтый*). В природной парадигме Н. Клюева цветообозначений нет. Пространственные же координаты в природной парадигме обоих поэтов практически совпадают: *море, поле, солнце, свет, земля*.

Оценочная парадигма в процессе творчества С. Есенина теряет свою самостоятельность, сливаясь с другими парадигмами, чаще всего – с парадигмой ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ. В творчестве Н. Клюева парадигма ОЦЕНКА функционирует самостоятельно,

взаимодействуя практически со всеми парадигмами в стихотворениях. Состав лексики оценочной парадигмы в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева различен.

В группе стихотворений С. Есенина, реализующих антиномию ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, ведущими лексическими парадигмами являются РЕЛИГИЯ, ПРИРОДА и ОЦЕНКА. В произведениях Н. Клюева доминантной является одна парадигма – ОЦЕНКА; другие парадигмы, выделенные в ходе анализа, относятся к частотным и единичным.

Набор парадигм, реализующих противопоставление ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ в стихотворениях обоих поэтов, примерно одинаков. Это свидетельствует об общности проблематики произведений С. Есенина и Н. Клюева. Однако функционирование парадигм различно, поскольку различны пути художественного анализа этого противоречия.

Общей закономерностью, присущей всем рассматриваемым стихотворениям С. Есенина, является отсутствие однозначных оценок каждой из сторон антиномии. В целом стихотворения рассматриваемой группы носят концептуальный характер. Анализ произведений Н. Клюева продемонстрировал сложное, но однозначно положительное отношение поэта и к потустороннему миру, и к миру земному.

Мечта мирной жизни художественно воплотилась у поэта в дальнейшее развитие идеи победы добра над злом, прощения врагов своих и превращения их в друзей, утопического описания будущего «золотого» века. В целом же стихи Н. Клюева, проникнутые гармонией христианского идеала и картинами крестьянского «избяного Рая», выражают оптимистическую авторскую позицию в понимании Жизни и Смерти, несут веру в Возрождение.

Антиномия ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в произведениях С. Есенина развивается в основном в 1914-1916 и в 1920-1922 гг. Антитеза в произведениях Н. Клюева развивается на протяжении всего творчества, претерпевая различные изменения и по-разному определяя место лирического героя в окружающем его мире.

Сопоставительный анализ парадигмы ЛЮБИМАЯ в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина показал принципиальную разницу как в ее составе, так и в выполняемых ею функциях. Есенинская парадигма ЛЮБИМАЯ включает в свой состав

лексику, описывающую конкретную женщину, например, *пошла коня, лукавая улыбка, молодая красивая дрянь, сука, простыня, любовь-зараза*. Преобладание отрицательно-оценочных характеристик демонстрирует противоречивую оценку женщины лирическим героем. Использование бранной и вульгарной лексики в парадигме ЛЮБИМАЯ создает атмосферу надрыва, свойственную С. Есенину.

В научных исследованиях творчества Н. Клюева высказывается мнение о том, что «женские персонажи вообще редкость в поэзии Клюева», а «женское начало, как правило, трансформировано в иные явления женского рода: Россия-мать, мать-изба, мать-суббота, жизнь-прамать, мать-земля, мать-природа, мать-печь, мать-дуброва». И все-таки превалирующей ипостасью образа любимой в творчестве Клюева выступает ипостась не конкретной земной женщины, крестьянки, а некий собирательный образ женщины. «Женские образы в поэзии Н. Клюева достаточно значимы, женские имена (Прасковья, Настенька, Дарья, Маланья, Арина, Лукерья и др.) – ключевые для творчества поэта. В то же время женщина в поэзии Клюева часто собирательный, предельно обобщенный образ. Используемые поэтом имена реальных женских прототипов подвергаются в текстах поэта метафоризации, новому образному осмыслению, приобретают символическое звучание» [Смольников 2006: 172]. Клюевская парадигма ЛЮБИМАЯ состоит из лексики, характеризующей абстрактный собирательный образ женщины-любимой, но более женщины-матери, которую лирический герой любит не земной чувственной любовью, а обожествленной любовью.

Понимание Н. Клюевым роли женственности, Женского Начала в мироустройстве (земля, родина, природа, мать) как первоосновы всего сущего уходит корнями в религиозность самого поэта. Тема любви к женщине не приоритетна в творчестве Николая Клюева, главные мотивы его поэзии связаны с обожествлением природы и воспеванием крестьянской избы с ее атрибутами.

Состав и функционирование основных парадигм, реализующих антиномию ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в произведениях Н. Клюева, и их сравнение с есенинскими парадигмами, позволили сделать следующие выводы: центральной парадигмой в

стихотворениях С. Есенина является парадигма ОЦЕНКА, в стихотворениях Н. Клюева две основные парадигмы – ОЦЕНКА и ПРИРОДА.

В составе основных лексических парадигм, реализующих антиномию ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина, сходства не наблюдается. Лексика, входящая в состав парадигм, различается и по количественному, и по качественному признаку. Состав парадигм, формирующих есенинскую и клюевскую антитезу, является довольно разнообразным, что свидетельствует о богатой поэтической ткани произведений обоих поэтов.

Природная парадигма в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина различается по составу. В клюевской парадигме ПРИРОДА функционирует лексика, отображающая реалии дикой лесной природы, в есенинской парадигме – реалии природы, находящейся ближе к миру человека. Эта же черта присуща и зоонимам, входящим в состав природной парадигмы: у Н. Клюева в стихотворениях героями являются только лесные звери и птицы, тогда как у С. Есенина – только домашние животные. Функциональная нагрузка природной парадигмы в сопоставляемых стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина различается. Если в произведениях С. Есенина парадигма ПРИРОДА связана только с положительной оценкой, то в стихотворениях Н. Клюева слова этой парадигмы используются для выражения отношения поэта ко всем сферам жизни (в т.ч. и оцениваемым отрицательно).

Парадигма ОЦЕНКА в стихотворениях С. Есенина выполняет более разнообразные функции, чем в произведениях Н. Клюева, и придает текстам концептуальный характер: сливается с другими парадигмами либо, взаимодействуя с ними, является признаком концептуальности текста, формирует эмоциональную почву для атмосферы надрыва.

Анализ состава лексических парадигм дает основание для вывода о том, что основные антитезы в творчестве поэтов представлены по-разному. Определенное сходство наблюдается только при реализации антитезы ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ в парадигме ПОЭЗИЯ.

В разные периоды творчества в составе лексических парадигм в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина преобладали либо имена, либо глаголы, придавая тем самым парадигмам

статичность или динамичность. И все же, в целом, в составе лексических парадигм Н. Клюева преобладают имена, а С. Есенин «приоритетным в поэзии считал глагол» [Солнцева 1997: 38].

Функции лексических парадигм часто совпадают. При этом функции парадигм в стихотворениях Н. Клюева являются более определенными, одноплановыми, чем в поэзии С. Есенина.

Среди средств связи парадигм наблюдается большая частотность сравнений в творчестве Н. Клюева. Метафоры и метафорические синтагмы в стихотворениях Н. Клюева чаще выступают не как средство взаимосвязи парадигм, а как один из приемов организации парадигмы.

В целом, эволюция идиостиля Н. Клюева связана с увеличением удельного веса проективной нагрузки стихотворений. Зрелая поэзия Н. Клюева конкретна и разнообразна в деталях. Эволюция идиостиля С. Есенина связана с усилением концептуальной нагрузки стиха.

При сопоставительном анализе идиостилей С. Есенина и Н. Клюева с точки зрения глубины текста наиболее значимыми являются такие характеристики парадигматической организации, как состав парадигм и межпарадигматические связи.

Состав парадигм произведений С. Есенина в большинстве случаев обусловлен внетекстовой действительностью и логически однороден, а состав парадигм произведений Н. Клюева может быть охарактеризован, как мотивированный текстом и логически разнородный.

Для парадигматической организацией произведений Н.А. Клюева типично функционирование гиперактуальной, эксплицитно выраженной, монофункциональной парадигмы, выполняющей концептуальную функцию, с необусловленной конфигурацией парадигм, связанных на языковом и мыслительном уровнях.

Для произведений С. Есенина характерна межпарадигмальная связь на языковом уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что произведениям Николая Клюева свойственна большая глубина текста, чем произведениям С. Есенина.

При сопоставлении лирики С. Есенина, Н. Клюева и С. Клычкова было выделено несколько междиостилевых доминантных парадигм, объединивших в своем составе множество

частных парадигм. доминантными в них оказались: ВОДА (характеризует лирического героя Сергея Клычкова как скрытного, активно не взаимодействующего с материальным миром, а окружающий его мир, как «водный»), ОГОНЬ (характеризует лирического героя Николая Клюева как революционно настроенного, а окружающий его мир, как «огненный») и ТКАНЬ (характеризует лирического героя Сергея Есенина как открыто «контактирующего» с материальным миром, «осязующего» его, а окружающий героя мир, как «вещественный», осязуемый).

Интегральным признаком выделенных междиостиловых парадигм является *характер отношения к земному* (приятие-отвержение) и *характер взаимодействия с земным* (отсутствие взаимодействия, насильственное взаимодействие и открытое тесное взаимодействие).

Итак, одной из доминантных лексических парадигм, ВЫДЕЛЕННЫХ при сравнении, является лексическая парадигма ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЯ К ЗЕМНОМУ. Она объединила в своём составе две лексические парадигмы: НЕПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО и ПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО, противопоставив, таким образом, идиостили С. Клычкова и Н. Клюева с одной стороны и С. Есенина – с другой.

Лексическая парадигма НЕПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО была выделена в лирике С. Клычкова и Н. Клюева и объединила в лирике каждого из поэтов следующие парадигмы: ЛЮБОВЬ К ПРОШЛОМУ; ЛЮБОВЬ К ДИКОЙ ПРИРОДЕ; АБСТРАКТНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ; ЖИЗНЬ – КОРАБЛЬ В МОРЕ; СУЕВЕРНОСТЬ; СЛОВЕСНАЯ МУДРОСТЬ; ПТИЦЫ.

Парадигма ПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО была выделена лишь в лирике С. Есенина (представлена такими лексическими парадигмами как «НИЗКАЯ» ЛЕКСИКА; ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОТКРЫТОСТЬ; ЗЕМНЫЕ ЖЕНЩИНЫ; ОЗОРНОЙ ГУЛЯКА; ДЕРЕВО).

Анализ подтвердил, что позиция лирического героя С. Есенина, в отличие от лирического героя С. Клычкова и Н. Клюева, носит более диалектический характер, он не выражает категоричного принятия/непринятия одной из сторон какой-либо антитезы. В отношении материального мира лирический герой С. Есенина анализирует, испытывает симпатии то к миру земному, то к миру неземному. В отличие от поэзии С. Клычкова, в лирике С. Есенина присутствует парадигма ПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО.

Парадигма ПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО в лирике С. Есенина свидетельствует также об открытом взаимодействии (или о возможности такого взаимодействия) лирического героя с *земным*. Герой же лирики Клычкова и Клюева проявляет неприятие, отвержение *земного*. Однако характер подобного неприятия в лирике данных поэтов различен. Анализ характера взаимодействия с *земным* выявляет расхождение в позиции лирического героя С. Клычкова и Н. Клюева, связанное с двумя типами неприятия *земного*: отвержением (отсутствием взаимодействия) и насильственным преобразованием.

Эти виды отношения к земному проявляются, в частности, в парадигме объектов сравнений лирического героя: в лирике С. Клычкова лирический герой сравнивается с зайцем и сверчком (эта парадигма указывает на боязливость лирического героя, на его беспомощность перед окружающей действительностью), а в лирике Н. Клюева лирический герой сравнивает себя с Христом или пророком, голосом народа, активно недовольным миром. Поэтику С. Есенина в этом смысле отличает от поэтики С. Клычкова и Н. Клюева отсутствие пафоса отрицания *земного*.

Так, при исследовании характера отношения лирического героя к *земному* художественные миры С. Клычкова и Н. Клюева оказываются более близкими друг другу, их объединяет лексическая парадигма НЕПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО, которая противопоставляется лексической парадигме ПРИЯТИЕ ЗЕМНОГО в лирике С. Есенина. При анализе лексической парадигмы ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗЕМНЫМ лирические герои каждого из поэтов оказываются противопоставленными друг другу: герой Н. Клюева «огнём и мечом» взаимодействует с *земным*, лирический герой С. Клычкова не взаимодействует активно с материальным миром, «скрывается» от него, а лирический герой С. Есенина воспринимает мир более диалектично, в его художественном мире присутствует открытый, «тесный» характер взаимодействия лирического героя с материальным миром.

Итак, сделав «земное» осью ординат исследования, можно обнаружить, что и С. Есенин, и поэты его окружения продолжили традицию «ухода» русской литературы в извечную озабоченность человека метафизическими вопросами об «общем благе», о преодолении смерти, разумной организации общества и о других утопических и активно эволюционных идеях [Эпштейн 2015]. В

этом смысле С. Есенин, в сравнении со своим окружением, более всего сохранил «золотую диалектическую середину» погружения в вопросы «земного и неземного» благодаря сосредоточенности в своей поэзии на личностных переживаниях и чёткой связи поэтических образов с явлениями и предметами окружающей действительности. Подобное исследование парадигматической структуры художественного мира авторов, более глубокое погружение в мировоззренческие идеалы поэтов, в свою очередь, даёт возможность понять причины различия глубины текстов С. Есенина и поэтов его окружения.

Например, проблематика произведений Н. Клюева, где, на первый взгляд, не связанные элементы вселенной объединяются в контексте в одну парадигму, создавая специфическое понимание мироустройства и повышая трудность восприятия произведения, носит более глобальный характер, нежели художественный мир С. Есенина из «Москвы кабацкой», выбранной для анализа, где поэт сосредоточивается на личностных переживаниях.

Различия в глубине текста обусловлены разницей мировоззрений поэтов и тем, что мотив изменения в поэзии С. Есенина носит в основном темпоральный, временной характер, поэт как бы «путешествует по времени» (так, например, основная оппозиция цикла «Москва кабацкая» – конфликт прошлого и настоящего), а в поэзии Н. Клюева – не только временной, но и локальный характер: поэт «перемещается не только во времени, но и в пространстве».

Существенные различия в идиостилях С. Есенина, А. Мариенгофа, Н. Клюева и С. Клычкова с точки зрения глубины текста обуславливаются как мировоззренческими, так и эстетическими концепциями, которых придерживались поэты.

*И.И. Степанченко, Е.В. Гончар,
М.П. Мирошниченко, К.В. Нестеренко,
М.В. Оробинская, О.П. Присяник*

**С. ЕСЕНИН
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ:
А. МАРИЕНГОФ – Н.КЛЮЕВ – С. КЛЫЧКОВ**

Сопоставительный анализ лексики

Коллективная монография

Под науч. ред. И.И. Степанченко

УДК 811.161.1'373

ББК 81.411.2-3

Е 42

Рецензенты:

А. Т. Гулак – доктор филологических наук, профессор (Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды);

А. А. Лучик – доктор филологических наук, профессор (Киево-Могилянская академия).

*Рекомендована к печати ученым советом Харьковского
национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды
(протокол № 3 от 8 апреля 2016 г.)*

Коллектив авторов:

И. И. Степанченко, Е. В. Гончар, М. П. Мирошниченко,
К. В. Нестеренко, М. В. Оробинская, О. П. Присяник.

Научный редактор – доктор филологических наук,
профессор И. И. Степанченко.

Е 42 **С. Есенин и его окружение: А. Мариенгоф – Н. Клюев – С. Клычков. Сопоставительный анализ лексики.** / Под науч. ред. И. И. Степанченко: Коллективная монография. – Х.: Издатель Иванченко И.С., 2016. – 240 с.
ISBN 978-617-7377-09-1.

В коллективной монографии представлен сопоставительный анализ лексики произведений С. Есенина и поэтов его окружения – А. Мариенгофа, Н. Клюева, С. Клычкова. Лексика рассматривается с точки зрения ее парадигматической организации в отдельных произведениях и в идиостилиях. Исследование проводится на основе функционального лингвистического подхода.

УДК 811.161.1'373

ББК 81.411.2-3

© Степанченко И.И., Гончар Е.В.,
Мирошниченко М.П., Нестеренко К.В.,
Оробинская М.В., Присяник О.П., 2016

ISBN 978-617-7377-09-1

© Издатель Иванченко И.С., 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии представлен сопоставительный анализ лексических систем произведений С. Есенина и поэтов его окружения: А. Мариенгофа, Н. Клюева и С. Клычкова. Если в литературоведческом аспекте связи С. Есенина с имажинистами, крестьянскими и т.н. новокрестьянскими поэтами 20-х гг. XX века неоднократно были предметом научного описания ([Гусев 1969], [Савченко 1991], [Сухов 1997], [Юдкевич 1976], [Русский имажинизм 2003] и др.), то в области поэтической речи эти связи практически не исследовались. Сопоставительный анализ лексических систем произведений С. Есенина и его окружения важен не только для более глубокого осмысления специфики идиостиля каждого поэта, но и для выявления общих закономерностей функционирования лексики в языке русской поэзии начала XX века.

В монографии предпринимается попытка описать лексику поэтических произведений как систему лексических парадигм. Принципы вычленения парадигм и параметры их описания представлены в 1-й главе работы.

Парадигматический анализ лексики проводится в рамках функционального подхода, который представляет собой одно из направлений современного лингвистического антропоцентризма. Основы этого подхода также описаны в 1 главе.

В коллективной монографии использованы материалы кандидатских диссертаций авторов, написанных под научным руководством И.И. Степанченко и защищенных в разные годы.

Авторы разделов: **Основные параметры парадигматического анализа лексики с функциональной точки зрения** – доктор филологических наук, профессор *И.И. Степанченко*, кандидат филологических наук, доцент Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого *К.В. Нестеренко*; **С. Есенин и А. Мариенгоф** – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор Академии дизайна и архитектуры *Е.В. Гончар*; **С. Есенин и Н. Клюев** – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального экономического университета имени Семена Кузнеця *О.П. Просяник*; **Сопоставительный анализ произведений С. Есенина и Н. Клюева с точки зрения глубины**

текста, а также все подразделы, посвященные исследованию глубины текста, – кандидат филологических наук, преподаватель Харьковского национального автомобильно-дорожного университета *М.В. Оробинская*; **Сопоставление доминантных лексических парадигм в лирике С. Клычкова, С. Есенина и Н. Клюева** – кандидат филологических наук *М.П. Мирошниченко*; **Выводы** – *К.В. Нестеренко, И.И. Степанченко*.

Отзывы о монографии просим присылать по адресу:
istepanchenko@ukr.net